СТАТЬЯ КАРАКОЗОВЦА П. Ф. НИКОЛАЕВА О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

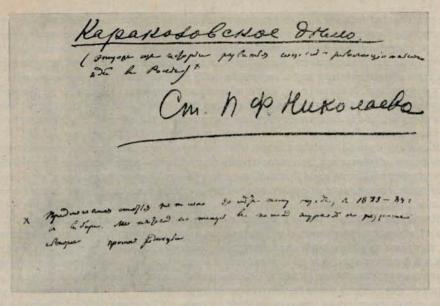
Вступительная статья и публикация Э. С. Виленской

В 1888 г. в революционных кружках России появился нелегально выпущенный небольшой сборник статей. На его обложке значилось: «Социальный вопрос. Сборник № 1. Изд. группы социалистов-народников. 1888». Место издания указано не было и заменено просто словом «Россия». В этом сборнике и был опубликован печатаемый ниже «Очерк развития социально-революционного движения в России», подписанный буквой «N» 1. Властям не удалось раскрыть ни издателей сборника, ни тайной типографии, где он печатался, ни даже города, где он был выпущен. И лишь сорок с лишним лет спустя из воспоминаний участников казанского чернопередельческого кружка — Ю. А. Бородина, Е. Ф. Печоркина, Э. И. и М. В. Гауэнштейн — стало известно, что именно этот кружок издал «Социальный вопрос», отпечатав его в Казани в созданной им нелегальной типографии. Автором «Очерка» мемуаристы считали В. Г. Короленко, проживавшего тогда в Нижнем Новгороде, откуда был привезен и шрифт для типографии; они полагали, что «Очерк» был им написан специально для сборника 2. Трудно сказать, то ли казанские народники забыли, кому именно принадлежал этот «Очерк», то ли вообще не знали подлинного его автора.

Впервые сомнения относительно принадлежности «Очерка» перу Короленко были выражены в 1951 г. литературоведом Е. Г. Бушканцем в статье «К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена» 3. Имеющаяся в «Очерке» ссылка автора на «багаж личных воспоминаний» привела исследователя к заключению, что «Очерк» писался участником революционных событий 1860-х годов, а скорее всего лицом, привлекавшимся по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II, которое потому и освещено здесь наиболее подробно. Е. Г. Бушканец предположил, что рукопись действительно передал издателям Короленко, получивший ее от кого-то из «каракозовцев», возвратившихся к середине 1880-х годов из Сибири.

Эти соображения исследователя полностью подтвердились. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) нами была обнаружена рукопись статьи «Каракозовское дело (эпизод из истории развития социально-революционных идей в России)», хранящаяся в коллекции «вещественных доказательств, изъятых жандармскими управлениями и охранными отделениями при обысках редакций журналов и газет и при обысках и арестах лиц». На отдельном листке рукою редактора журнала «Былое» В. Л. Бурцева, кроме заглавия, указывалось: «Ст\атья> П. Ф. Николаева». Тут же следовало и редакционное примечание: «Предлагаемая статья написана 20 лет тому назад, в 1883-84 г. в Сибири. Мы печатаем ее теперь в нашем журнале по разрешению автора» 4. На первой странице рукописи стояла следующая надпись: «Просим дополнить и возвратить рукопись в редакцию «Былого», 25, Спасская ул., СПб.». Сохранился также конверт, в котором статья отсылалась для дополнений Николаеву в Чернигов. Судя по почтовым штемпелям — петербургский от 1 января 1906 г., черниговский — от 18 января 1906 г. — рукопись в редакцию не вернулась и была изъята не в «Былом» (как это значится в архивном деле), а при одном из многочисленных обысков у самого автора.

В одном из подстрочных редакционных примечаний говорилось, что статья составляла вторую часть написанного автором «Очерка развития социально-революционных идей». Это, хотя и неточное заглавие, навело на мысль сличить статью с «Очерком» из сборника «Социальный вопрос», в результате чего выяснилась ее полная идентичность с последней главой «Очерка». Так был установлен автор последнего, П. Ф. Ни-

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ П. Ф. НИКОЛАЕВА «КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО» И РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К НЕЙ:

«Предлагаемая статья написана 20 лет тому назад, в 1883—84 г. в Сибири. Мы печатаем ее теперь в нашем журнале по разрешению автора. Примеч. редакции»

Автограф В. Л. Бурцева, декабрь 1905 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

колаев, действительно осужденный по каракозовскому делу в числе первой, т. е. основной, группы обвиняемых. Издателям сборника запомнилось имя Короленко, должно быть, потому, что рукопись «Очерка» поступила к ним от него. Письмо Короленко к П. Ф. Николаеву от 27 сентября 1888 г. свидетельствует об их близком личном знакомстве и о том, что Николаев посылал свои работы писателю ⁵.

Инициатива опубликования «Каракозовского дела», по-видимому, принадлежала редакции «Былого», где и была снята рукописная копия с текста, опубликованного в сборнике, причем оговоренные в конце последнего опечатки не были внесены переписчиком в текст. В таком виде рукопись и была послана Николаеву, сделавшему в ней некоторые поправки.

Что же известно о самом авторе «Очерка»? Петр Федорович Николаев (1844—1910) почти забыт и как деятель революционного движения второй половины ХІХ - начала ХХ в. и как публицист. Между тем он был одним из незаурядных участников революционной борьбы разночинского периода, почти всю свою жизнь проведшим то на каторге и поселении, то в ссылках, то под надзором полиции. Краткие о нем заметки имеются в некоторых энциклопедиях 6. Более подробные сведения о его жизни, конечно. без особо интересных для нас фактов о делах революционного подполья, содержатся в его неопубликованной автобиографии, хранящейся в архиве С. А. Венгерова в Рукописном отделе ИРЛИ 7. На рукописи автобнографии стоит дата — 1 января 1905 г. Писал ли ее Николаев по просьбе Венгерова и попала ли рукопись тогда же к составителю словаря, — неизвестно 8. В деле, где она хранится, есть открытка из Женевы от Е. Е. Колосова, датированная 10 октября 1913 г. В ней Колосов сообщал, что он располагает рукописью автобиографии Николаева. Возможно, что он и передал ее Венгерову. Еще до этого один из экземпляров автобиографии (возможно, тот же, что затем оказался у Колосова) был частично использован в некрологе Николаева, написанном Г. Рентаром 9.

Уроженец г. Владимира, Николаев принадлежал к чиновничьей семье, дослужившейся до дворянства. По воспитанию и образу жизни он был типичным разночинцем. Получив первоначальное образование во владимирской гимназии, Николаев поступил в Московский университет на математический факультет, который, однако, покинул в 1861 г. из протеста против новых университетских правил. Свое образование он продолжил как вольнослушатель, посещал лекции разных факультетов и, увлекшись в эти годы общественными науками, сдал в 1865 г. кандидатский экзамен по юридическому факультету. У Николаева, как сообщал в воспоминаниях о нем К. Д. Бальмонт, был превосходный голос, и кто-то из власть имущих предлагал ему ехать за казенный счет в Италию, чтобы затем поступить на императорскую сцену ¹⁰. Но Николаева влекли иные цели.

Николаев прошел через все этапы общественного движения эпохи падения крепостного права. «Участвовал, конечно, и в демонстрациях,—писал он в автобиографии,—был в знаменитой битве «под Дрезденом» у генерал-губернаторского дома, но благополучно ушел, сокрушив при сем двух преследовавших меня здоровенных жандармов. Писал и прокламации к студентам» 11.

Не позже 1864 г. Николаев вошел в состав тайной организации, известной под именем Ишутинского кружка, и весьма деятельно в ней участвовал. Ему принадлежал один из проектов устава этой организации и изъятый при аресте у одного из ишутинцев план будущего государственного устройства, основанный на сочетании федеративного и централистского начал. После ареста главных организаторов Ишутинского кружка он фактически возглавил продолжавшуюся работу тайной организации, пока не был выдан предателем, студентом И. И. Корево. 19 апреля 1866 г. Николаев был арестован, отправлен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость и после следствия, проводившегося М. Н. Муравьевым («Вешателем»), предан вместе с другими членами так называемых «Организации» и «Ада» Верховному уголовному суду. В условиях еще не сложившихся норм поведения революционеров на суде он впервые в последнем слове подсудимого защищал не себя, а свои убеждения.

Осужденный к каторжным работам на 12 лет (по высочайшей конфирмации срок был сокращен до 8 лет). Николаев был направлен вместе с некоторыми другими ишутинцами в Нерчинский округ Забайкалья, на Александровский завод. Здесь он встретился и на протяжении почти пяти лет был близок с Н. Г. Чернышевским. Об этом периоде Николаев так писал в автобиографии: «...моя пятилетняя каторга была окрашена сожительством, общением и, смею сказать, дружескими отношениями с Н. Г. Чернышевским (...) Его влияние литературное уже и раньше вошло как крупный фактор в мое развитие. Во многом мы не были согласны и спорили, — но несомненно, что от общения с ним открывались новые умственные перспективы и работа мысли направлялась на вопросы, раньше не бывшие в черте моего кругозора. Но нравственное влияние этой высоко благородной и могучей личности было, без сомнения, громадным. И всего больше я ценю встречу и сожительство с ним потому, что только тогда я выучился впервые любить и ценить человека как человека. Я горячо, даже страстно любил его... Да и кто из знавших не любил его?..» 12 Николаеву принадлежат воспоминания о Чернышевском, ценные тем, что в них изложено содержание произведений великого русского революционного мыслителя, созданных на каторге ¹³. По свидетельству С. И. Мицкевича, он выступал и с устными воспоминаниями. «Я присутствовал, — пишет Мицкевич, -- на одном докладе П. Ф. Николаева о Чернышевском, организованном студентом-народовольцем М. М. Молчановым (потом известный профессор-невропатолог) в классе городского училища (у Триумфальных ворот), в котором учительницей была его невеста. Николаев был на каторге вместе с Чернышевским, и его доклад был посвящен воспоминаниям о совместной их жизни на каторге, а также характеристике Чернышевского.

Николаев во всех своих высказываниях развивал мысль о необходимости всем оппозиционным и революционным направлениям слить свои силы и сосредоточить их на одном пункте — свалить самодержавный режим, добиться конституции. Это был господствующий лозунг момента среди радикальной и либеральной интеллигенции*.

^{*} Я говорю здесь, конечно, о тех кругах интеллигенции, чрезвычайно малочисленных в то время, в которых еще сохранялись политические интересы (примеч. С. И. Мицкевича).

В этом духе издавался нелегальный журнал того времени «Самоуправление», в 1888 и 1889 годах его вышло четыре номера. Николаев принимал деятельное участие в «Самоуправлении». В 1894 году на этой платформе образовалась «партия Народного права». Николаев вместе с Натансоном были главными организаторами этой партии, которая просуществовала, правда, очень короткое время и была вскоре разгромлена без остатка.

Заичневский, Сабунаев, Николаев — это все были «последние могикане» старой революционной рати. Они делали последние попытки возродить движение на старой утопической основе, но время для них прошло, и попытки эти были обречены на неудачу» ¹⁴.

В 1871—1872 гг. Николаев был выпущен на поселение в Якутии, где и находился более десяти лет. Тут он дважды привлекался по политическим делам, и его ссылали в самые глухие места Якутского края. Должно быть, в это время он и познакомился с Короленко 16. В 1883 г., когда почти ко всем участникам каракозовского процесса была применена амнистия (разрешение возвратиться в Европейскую Россию и восстановление в правах), Николаев оказался изъятым из ее действия: ему позволили только проживание в одном из городов Западной Сибири. Он избрал Томск, где и пробыл два года. И лишь почти через 20 лет после каторги и поселения он получил право проживать в центральных губерниях, сначала у матери во Владимире, а затем в Москве.

Но и здесь его ожидала нелегкая судьба. «Да и не жизнь это была, — писал Николаев в автобиографии, — но какая-то непрерывная мартирология... Аресты, обыски, высылки из Москвы, привлечение к разным политическим делам, годы подследственного надзора...» ¹⁸. По словам Бальмонта, он в качестве «советника» участвовал в студенческих волиениях 1887 г., вызванных новым (реакционным) университетским уставом ¹⁷. В те же и в последующие годы Николаев привлекался за участие в нелегальном журнале «Самоуправление», преследовался как член народнических и народовольческих кружков, партии «Народное право», а также и за свою легальную деятельность публициста и редактора. Он принимал участие в составлении программы партии социалистов-революционеров, в которую входил как один из ее основателей. Последние годы своей жизни Николаев провел в Чернигове, почти непрерывно находясь под надзором полиции.

Еще в юношеские годы определилась у Николаева и тяга к литературной деятельности. «В течение всей жизни, — признавался он, — мне «борьба мешала быть поэтом», котя меня всегда тянуло к литературе и я всегда считал звание литератора высшим после звания борца за свободу. То-то и есть, что «после». А литература ревнива, ревнива и борьба за свободу» ¹⁸. Тем не менее Николаев оставия довольно обширное и разнообразное литературное наследство, не собранное и даже не выявленное. В своем подавляющем большинстве это были газетные статьи, касавшиеся текущих вопросов и событий. Но были среди них и литературно-критические и даже беллетристические опыты. Как считал Бальмонт, Николаев оказал огромное влияние на направление его поэтического творчества. В частности, он обратил внимание начинающего поэта на Шелли, все произведения которого Бальмонт и перевел позднее на русский язык ¹⁹. Большое место в его литературной деятельности занимали социологические проблемы, а в последнее десятилетие — переводы научных трудов по истории, философии, социологии.

Еще в начале 1860-х годов Николаев начал сотрудничать в московских газетах. Систематическое же его участие в журналистике относится к годам якутской ссылки. С середины 1870-х годов он стал выступать в сибирской и отчасти центральной легальной демократической печати. Был одним из ближайших и постоянных сотрудников газеты «Сибирь», «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения», издававшегося в Петербурге видным сибирским общественным деятелем и ученым Н. М. Ядринцевым. По возвращении в Москву Николаев вместе с одним из участников Ишутинского кружка, А. Колачевским, издавал недолго просуществовавшую еженедельную газету «Эпоха», а в конце 1890-х годов являлся фактическим издателем и редактором также недолговечной одесской газеты «Жизнь Юга», неоднократно подвергавшейся цензурным и полицейским преследованиям. На рубеже 1880—1890-х годов Николаев сотрудничал в «Русской мысли», публикуя преимущественно статьи по социологическим проблемам.

Некоторые свои социологические статьи он объединил в сборнике «Активный прогресс и экономический материализм», выпущенном в 1892 г. и пользовавшемся известным успехом.

Склонность к обобщениям и поиски исторических закономерностей сказались и в печатаемом «Очерке развития социально-революционного движения в России». «Очерк» — как это видно из редакционного предисловия, — был значительно сокращен издателями из-за большого объема. Отточия в тексте, видимо, и обозначают редакционные купюры. Местонахождение рукописи, с которой он печатался, неизвестно.

В. Л. Бурцев датировал «Каракозовское дело» (а стало быть, и «Очерк») 1883—1884 гг. Однако некоторые данные в самом тексте «Очерка» позволяют уточнить эту датировку. «Очерк» писался не позже первой половины 1880-х гг., так как о второй их половине говорится еще как о будущем времени. В нем упоминается газетная статья Г. И. Успенского о 1860-х годах, которая была напечатана в июне 1885 г. (см. примеч. 14 к тексту «Очерка»). Из воспоминаний Бальмонта видно, что в декабре этого же года во Владимир приезжал Короленко и тогда же там находился и Николаев 20. Видимо, тогда-то рукопись и была передана писателю. Датировка «Очерка» важна главным образом потому, что позволяет понять данную в нем постановку вопроса.

«Очерк» писался в то время, когда русское революционно-народническое движение пережило важнейший идейный перелом — переход от аполитизма к признанию значения борьбы за политическое преобразование. В период аполитизма все представлялось достаточно ясным и простым. Политические свободы, как в том, казалось, должен был убедить опыт Западной Европы, укрепляли капиталистическое развитие, социально-экономическое неравенство и эксплуатацию, а следовательно, противостояли идее некапиталистического пути развития России, т. е. основной идее русского или крестьянского социализма. Политическая борьба рассматривалась как целиком подчиненная борьбе за социальные преобразования, как вторичный, производный фактор. Сама же по себе она представлялась знаменем буржуазного либерализма, с которым народнические идеологи — представители демократической тенденции в России, по характеристике В. И. Ленина, ²¹ — вели непрерывную борьбу.

С признанием значения политической борьбы, провозглашенным «Народной волей», все старые представления смещались. Идеи, еще недавно казавшиеся взаимоисключающими, оказались неотделимыми одна от другой. Вопрос о соотношении между политической борьбой и социализмом потребовал полного пересмотра, нового теоретического обоснования.

Впервые в народнической литературе этот вопрос был поднят в конце 1870-х годов публицистом «Отечественных записок» Н. К. Михайловским в его нелегальных «Политических письмах социалиста», печатавшихся за подписью «Гроньяр» во втором и третьем номерах «Народной воли» (1879—1880). Здесь Михайловский доказывал, что политическая борьба не только не протворечит интересам социализма, но, напротив, прокладывает путь борьбе за социальные преобразования. В недавнем отказе от борьбы за политические свободы он усматривал и ошибку движения и жертву, которую приносила интеллигенция во имя интересов народа, нуждавшегося именно в социально-экономических преобразованиях.

Насколько животрепещущим являлся вопрос о соотношении идей политического и социального преобразования в эти годы, можно судить по тому, что именно этот вопрос привел вчерашнего народника Г. В. Плеханова, остававшегося и после раскола «Земли и воли» 1870-х годов на позициях аполитизма, к коренному теоретическому пересмотру народнической доктрины и переходу к марксизму. Знаменателен тот факт, что именно этой проблеме и была посвящена его первая марксистская работа «Социализм и политическая борьба», писавшаяся, кстати, в то же самое время, что и печатаемый «Очерк» Николаева. Однако последний пытался решить (или, скорее, поставить) ту же проблему, оставаясь на народнических позициях.

В «Очерке» Николаева вопрос о политической и социалистической тенденциях в русском революционном движении и был поставлен во главу угла. Его философскосоциологической основой являлся преимущественно контовский позитивизм в его российской демократической переработке, принадлежавшей главным образом П. Л. Лав-

рову и Н. К. Михайловскому. Отсюда у Николаева отрицание отвлеченных и априорных умозаключений или абстрактных построений как метафизических (по терминологии Конта). Отсюда и заглавие первого раздела «Очерка» — «Метафизический и эклектический социализм» и отнесение к области метафизических конструкций утопически-социалистических учений Сен-Симона, Фурье, Кабе, так же как и их российских последователей. Но отсюда же и то значение, какое он придавал опыту истории, рассматривая, однако, последний как смену одних идей, себя не оправдавших, другими идеями — т. е. в отрыве от породившей их материальной основы.

Николаев сознательно ограничил свою задачу одним лишь историческим экскурсом в прошлое освободительного движения, не претендуя на решение поставленной проблемы, на теоретическое обоснование синтеза политических и социалистических начал. Он пытался лишь подвести итоги, опираясь на которые, революционная мысль будущего, возможно и ближайшего, должна будет решить в теоретическом плане вопрос о неразрывности, об органическом слиянии политических и социалистических идей. Надо сказать, что в этом теоретическом поиске вскоре принял участие и сам Николаев. Однако от частного вопроса о соотношении политических и социалистических идей и их синтеза он углубился в более общие теоретические проблемы — в проблемы взаимосвязи идей вообще и их «первопричины».

В социологических статьях Николаева конца 1880 — начала 1890-х годов наметилась вполне ощутимая попытка преодолеть идеалистическую концепцию как представление, «будто право развивалось само по себе, этика сама по себе, экономика опять отдельно», и поставить вопрос, «существует ли какая общая им причина, связывающая их в одну целую систему» 22. Эту общую «причину» он усмотрел в экономическом факторе. Сама постановка вопроса была связана у Николаева с его явным интересом к марксистской историко-философской теории о соотношении базисных и надстроечных явлений в общественной живии. Николаев, пожалуй, ближе всех своих современников из народнического лагеря подошел к пониманию коренного марксистского положения, правда, усматривая в нем только гипотезу, нуждающуюся в проверке путем анализа исторических фактов. Свое главное внимание он при этом сосредоточил на вопросе об обратном воздействии идеологической надстройки на экономику (как «первопричину»). С этой точки зрения он особо акцентировал значение общечеловеческого исторического опыта, благодаря которому идеи, порожденные экономическими условиями, приобретак т как бы самостоятельную жизнь и становятся достоянием общественной мысли в странах, не достигших этих условий, а следовательно, способных их предотвратить. Так пытался он повернуть и марксистскую «гипотезу» к народнической доктрине, к идее некапиталистического пути развития России. Эта попытка Николаева являлась прежде всего одним из свидетельств того, какой силой стал марксизм в 1880-е годы.

В «Очерке» еще отсутствовала такая постановка вопроса. Здесь Николаев стремился проследить наличие политических и социальных идей в революционной борьбе прошлого, характеризуя их соединение то как эклектическое, то как попытку синтеза, однако научно еще не обоснованного. С такой точки зрения он рассматривал движение декабристов и идеи петрашевцев, мировоззрение Герцена и борьбу демократических сил в эпоху падения крепостного права, замыслы ишутинцев и аполитизм «семидесятников». Отсюда же шла и его характеристика «писаревщины», как выпадающей и из эклектического соединения двух начал и из попыток их синтезировать.

Неудачу синтева 1860-х годов Николаев объяснил ошибочными представлениями о роли народа в политической революции, идеализацией народных масс, точнее — крестьянства. И именно проблема народа, его места в освободительном движении являлась узловой в той постановке вопроса о синтеве политических и социальных идей, которая составляла основу николаевского «Очерка». Эта проблема и в 1880-х годах оставалась для народников таким же камнем преткновения, каким она была и у «семидесятников». Решение же «шестидесятников», как показал исторический опыт, оказалось опибочным. Их вера в то, что крестьянство, только что вышедшее из крепостной зависимости, способно подняться не только против помещиков, но и против политического гнета, не оправдалась. А отсюда и поиски новых средств борьбы, проявившиеся сначала в движении ишутинцев, а затем в «хождении в народ».

Поставив вопрос о синтезе политических и социальных идей, Николаев смог указать только на негативную сторону проблемы, на не оправдавший себя опыт прошлого. Но позитивной постановки вопроса он не мог дать потому, что исходил из мысли о том, что основной движущей силой революции, хотя и не ее инициатором, явится крестьянство. Рабочий класс, который стал массовым носителем того, что назвал Николаев синтетической идеей, рассматривался им, как и всеми народниками, только как часть того же крестьянства.

Тем не менее «Очерк развития социально-революционного движения в России» представляет немалый интерес как показатель движения народнической теории в новых исторических условиях, как одно из проявлений поисков пути к осуществлению заветных идеалов человечества.

«Очерк» печатается по тексту сборника «Социальный вопрос» с учетом отмеченных в нем опечаток. Вступление принадлежит редакции сборника. Поправки, внесенные Николаевым в рукопись статьи «Каракозовское дело», носят преимущественно стилистический характер. В тех случаях, когда эти поправки уточняют смысл, они приводятся в подстрочных примечаниях без специальных оговорок; там же приводятся наиболее значительные примечания редакции журнала «Былое».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Кроме печатаемой статьи, в состав сборника входили вступительная заметка программного характера «От издателей» и статьи: П. Б. А к с е л ь р о д. Переходный момент нашей партии (перепечатка из журнала «Община», 1878, № 8-9); Х. Социализм и народничество; П-ч. Социализм в революционном движении интеллигенции 70-х гг. (Историко-критический этюд). Сборьйк был издан в количестве около 200 экземпляров. Предисловие «От издателей» и статья X. «Социализм и народничество» были перепечатаны Н. Сергиевским в «Историко-революционном сборнике». М., 1926, № 3. В настоящее время известны экземпляры, хранящиеся в ЦГАОР, ГБЛ и в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.

² См.: «Каторга и ссылка», 1930, кн. 10 (71), с. 127.

3 См.: «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 2,

 ЧПАОР, ф. 1167, оп. 1, ч. 1, № 2417.
 См. В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. LI. Харьков — Полтава, 1923, c. 69-70.

⁶ См.: «Большая энциклопедия». Под ред. С. Н. Южакова, т. 22. СПб., 1909; «Новый энциклопедический словарь», т. 28. СПб. — Лейпциг, 1916. См. также примеч. 8. ⁷ ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 6—35.

⁸ В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, выходившем в 1889-1904 гг., имя Николаева отсутствует; его же «Источники словаря русских писателей», публиковавшиеся в 1900—1917 гг., не были закончены и обрывались на Некрасове. Сведения о Николаеве попали во II том готовившегося второго издания «Словаря» («Предварительный список русских писателей и ученых

и первые о них справки»), вып. 4. Пг., 1916.

⁹ «Киевские вести», 1910, № 350, 30 декабря.

¹⁰ «Видящие глаза. Страницы воспоминаний К. Д. Бальмонта. Пам. ти В. Г. Короленко, П. Ф. Николаева и профессора Н. И. Стороженко».— Газета «Утро», Нью-Йорк, 1922, 25 и 26 февраля (сообщено А. В. Храбровицким).

11 ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 15.

12 Там же, л. 20 об.—21.

13 См.: П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гав-

риловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872. М., 1906. — Любопытна история этих воспоминаний, рассказанная Николаевым в автобиографии, когда они еще не были опубликованы. «В 1889 г.,— сообщал он,— после кончины Н. Г. Чернышевского, полагая, что запрещение снято с имени этого великого писателя, я написал краткие воспоминания. Ради цензурных условий я ограничился в этой статье только изложением ненапечатанных и даже ненаписанных, но прочитанных нам, товарищам по тюрьме, беллетристических произведений Николая Гавриловича. Расчет мой, однако, не оправдался: ни «Русская мысль», ни «Русская старина» (при М. И. Семевском) не добились права напечатать статью. Это жаль потому, что она вполне цензурна и открыла бы публике многое из мира мышления Чернышевского. Во всех воспоминаниях, какие мне удалось прочесть,— г. Шаганова, г. Короленко, доставленных «Русскому богатству» Пекарским, много пробелов именно в этом отно-

чиении, а то и просто фактических неверностей... конечно, невольных и (у Шаганова) не сознательных <...> С моей статьи в Москве было сделано много снимков, но все они, вероятно, пропали — во всяком случае, когда ко мне позже обратился В. И. Семеввероятно, пропали — во всяком случае, когда ко мне позже обратился В. И. Семевский с просьбой прислать эту статью, я не разыскал ее нигде. Возможно, что она имеется в бумагах покойного А. Н. Пыпина, которому, по его просьбе, выслала экземпляр редакция «Русской мысли». Жалею, что статья пропала, так как теперь ее, наконец, можно бы было напечатать» (ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 34 об.—35). В архиве «Русской старины» (там же, ф. 265, оп. 2, № 3045) действительно хранится рукопись воспоминаний Николаева о Чернышевском. С некоторыми сокращениями воспоминания перепечатаны в кн.: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. II. Саратор. 452—482 тов, 1959, с. 152—183. 14 С. И. Мицкевич. Революционная Москва. М., Гос. изд-во «Художествен-

14 С. И. Мицкевич. Революционная Москва. М., 1 ос. изд-во «Художественная литература», 1940, с. 79.

15 См.: Вл. Короленко. Дневник (1881—1893 гг.), т. І. ⟨Полтава⟩, Госиздат Украины, 1925, с. 285.

16 ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 27 об.—28.

17 К. Д. Бальмонт. Указ. воспоминания.
18 ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 18.
19 К. Д. Бальмонт. Указ. воспоминания.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, с. 176.

22 См.: П. Николаев. Активный прогресс и экономический материализм. M., 1892, c. 107.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Нам попался случайно в руки очерк русского революционного движения до 70-х гг., написанный одним из старых деятелей движения, много пережившим и передумавшим на своем веку. Значительная часть заключений автора основана на его собственном опыте, на том, что ему самому довелось видеть и испытать. Если рассказ его, быть может, по своей легкости, и не дает вполне ясного представления о развитии социальнореволюционного движения в России, то намечает все-таки некоторые черты из истории этого развития. Во всяком случае, очерк дает представление о непрерывности движения, об его цельности, а такое представление позволяет верить в торжество общей идеи, положенной в основание попыток. в частности неудачных.

Обозреть развитие движения, хотя бы в легком очерке важно в том отношении, что такой обзор определяет место отдельных фазисов движения в его целом, кладет основание синтезу идей, ведущих к обособленности, раз теряется нить, связующая их с прошедшим. К сожалению, мы не могли, вследствие самых размеров очерка, напечатать его целиком. Делая извлечения, мы постараемся не исказить нигде мысли автора, исключив лишь многочисленные отступления, любопытные сами по себе, но не существенные в целом рассказа.

Быть может, в нашем изложении руководящая мысль очерка сделается несколько яснее, по крайней мере мы этого искренне желали бы.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Сороковые годы — это старые боли и старая грусть для нового русского человека, уже двадцать лет тому назад запевшего новые, даже и в Европе не слыханные песни о народной жизни, народных идеалах и о постройке целого миросозерцания на основании этих идеалов.

Трудно человеку новой России ориентироваться в той неясной массе стремлений, мыслей и желаний, которые обуревали мыслящую Россию в

40-е годы.

Их боли — будто и не наши боли, их страдания — будто не наши страдания. И однако, ксе-таки, в этом чужом нам много и родного; в этих старых, и быть может, наивных по своей молодости песнях прозвучит нередко нота, которая нам совсем близка и совсем родна.

Эта нота — жажда правды, любовь к народу как к рабочему и страдающему классу, а всего больше вражда и ненависть к грубой силе. Два эти элемента — симпатия к народу и ненависть к власти — уже тогда, в старые годы неясного метафизического мышления, намечали два потока, слившиеся в одно русло социалистической и чисто политической борьбы.

Говоря строго, трудно в истории России привести примеры, кроме разве движения декабристов, в котором бы эти течения были резко разграничены. Даже и у декабристов, по крайней мере в крайней их фракции республиканцев-федералистов, мысль общественного переворога не отделялась от мысли о переустройстве политическом.

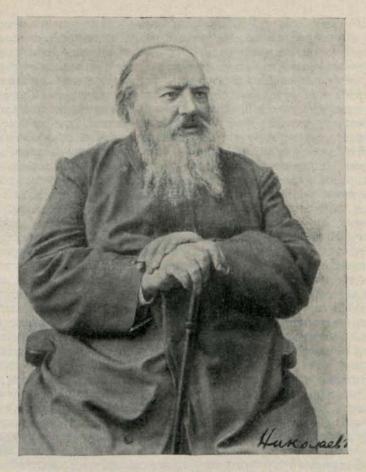
Политическая форма в русских движениях являлась всегда почти только носителем и представителем известного общественного строя, для переделки которого нужно было прежде всего сокрушить политическую форму. Люди сороковых годов, так называемые либералы, были в этом случае продолжателями движения, намеченного уже декабристами. Пусть они остановились только на мысли об освобождении крестьян с землею и не шли дальше, но уже одна эта мысль представляла, если сравнить ее с преобладающими течениями тогдашней западноевропейской мысли, целую социальную революцию.

Притом и идти им было больше некуда. Современная им наука обществоведения не давала для этого никаких указаний, кроме метафизических построений тогдашних социалистических школ: сен-симонизма, фурьеризма и коммунизма (в учении Кабе 1).

Не место здесь вдаваться в объяснение, почему эти, часто блестящие по гениальности их основателей, социалистические учения следует назвать метафизическими. Заметим только, что в них уже заключались зерна будущих экономических учений, получивших научные основания.

Сен-симонизм, например, в лице Базара ² и его учеников, близко подошел к так называемой научной социалистической школе, выставив основной принцип обобществления труда в мануфактуре. Блестящие и широко захватывающие гипотезы Фурье, привлекавшие многих последователей, делают его учение весьма важным в истории развития социалистического движения в России, хотя к идеям экономического переворота он имеет более отдаленное отношение, чем Сен-Симон или даже Кабе.

Чрезвычайно трудно проследить те каналы, через которые вливались в общественную русскую жизнь учения тогдашних социалистических школ. Несомненно то, что при невообразимом для современного человека общественном гнете, при беспросветном произволе царящего крепостного склада жизни, эти каналы были случайны и, так сказать, побочны. Как это ни странно, но, быть может, в этом отношении большое значение в истории общественного развития России имели романы Жорж Занд, этого «Христа женщин», как ее назвал, кажется, Герцен 3. Во всяком случае, можно сказать, что наши новейшие историки литературы: Пыпин и пр.в своих исследованиях тогдашних общественных течений, привлеченных сильным влиянием на жизнь русского общества, и особенно московских кружков, систем немецкой метафизики, проглядывают другое, параллельное влияние, — влияние французской литературы. О силе и характере этого влияния можно получить понятие, сравнив медленное и довольно мучительное развитие Белинского с быстрым и блестящим развитием Герцена. Последний выступает в литературе уже вполне готовым революционером с социалистическим оттенком.

П. Ф. НИКОЛАЕВ Фотография. Полтава, 1900-е годы Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вообще же в московских либеральных кружках течение социалистическое было весьма слабо, за исключением небольшого кружка Герцена, и таким оно было именно в самых близких по духу последующей революционной партии кружках, в западнической фракции тогдашних молодых людей.

Политическая мысль, слишком юная и потому самому слишком горячая, захватывала все мышление. Народническая мысль — впрочем, очень мало похожая на последующее народническое движение,— скорее всего проявилась в смещанной куче прогрессивно-регрессивных мыслей, известных под общим названием «славянофильство». Первое явление, которое в известной степени отразило в общественной жизни течение мыслей, бродивших в обществе, пытавшееся реализовать эти мысли в какойнибудь конкретной форме, — было так называемое дело Петрашевского. Тут в первый раз в истории движения мы наталкиваемся на явление, так сказать, роковое для русских социалистов-революционеров, роковое именно потому, что оно неизбежно обусловливается обстоятельствами русской жизни и русской борьбы. Впоследствии это явление не раз повторялось в русской общественной жизни и всегда на один и тот же манер. Чайковцы, народные пропагандисты, и в более позднее время народники и их продолжатели чернопередельцы пережили в этом отношении совершенно

то же, что и петрашевцы, по крайней мере психологическая подкладка была совершенно одинакова. Начиная с разработки чисто социалистических вопросов (дорога и метод разработки были, колечно, совершенно различные), русские деятели весьма быстро убеждались самым опытом жизни в бесплодности и невозможности чисто социалистической деятельности, почему переходили к той или другой форме политической борьбы.

Повторяем, что ту же историю пережили и петрашевцы. Собственно говоря, обстоятельства их дела очень мало известны, чуть ли не один приговор, по которому нельзя составить ясного представления о задачах деятелей 4. Несомненно, кажется, одно — что этот кружок начал с разработки теоретических положений социализма, тогда еще метафизического (это был первый кружок русских последователей фурьеризма), и весьма быстро перешел на политическую почву. Известно, что такой процесс совершился под исключительным влиянием Петрашевского, который в этом отношении, по-видимому, был целой головой выше своих товарищей по делу. В то время, когда другие члены кружка еще возились с чтением и переводами Фурье, Петрашевский весьма недвусмысленно заявил о необходимости реальной политической деятельности. При этом следует отметить тот особенный факт революционной наивности или, иначе говоря, революционной веры, что в головах руководителей тогдашнего дела, и в особенности у Петрашевского, сознание назревшей политической мысли было уже настолько сильно, что эта мысль приписывалась и даже навязывалась первому встречному. Думалось, что общество совершенно созрело для переворота и что нужна только кой-какая организация, чтобы нанести удар всем опротивевшему крепостнически-военному деспотизму, и этот деспотизм развестся в прах. Эта отчасти вера, а отчасти бессилие бродящих в темноте людей, поневоле бросавшихся в разные стороны, и была причиной того, что, по мысли Петрашевского, только и нужно было вербовать и вербовать людей, водить их на бывавшие в кружке сходки, а после-де разберемся. С нашей настоящей точки зрения трудно даже понять подобную систему действий, но людям, пережившим 60-е годы, время общественного пробуждения, психологическая подкладка такого явления весьма понятна. Как в 40-е годы, так и в 60-е, люди были слишком молоды и слишком цельны, чтобы доходить до такой организации, какой пришлось прибегнуть после 5. Верилось, что довольно одного смело сказанного слова, чтобы все желаемое совершилось по слову.

Приняв себе за правило — указывать в изложении основные оттенки социально-революционных идей, остановимся несколько на самой личности Петрашевского, составляющего одну из вех на той дороге, по которой шла русская общественная мысль. Руководителем кружка его сделала неутомимая энергия его характера, хотя, как кажется, она не была у него уравновещена твердо сложившимся общественным миросозерцанием. Такого миросозерцания, как равно и ясно установленной программы, у него не было, но была живая натура, способность отзываться на всякий вопль и страдание, как бы лично и мелко это страдание ни было. На это указывает и вся последующая жизнь его в Сибири, где до сих пор можно услышать рассказы о его борьбе с местной администрацией, о его заступничестве за всех униженных и оскорбленных. Такой умственной организации, как Петрашевского, было естественно явиться тем, чем он явился в истории революционного движения в России, т. е. первым, и, можно сказать, единственным, если не считать Ткачева, представителем той европейской политической школы, которая носит название якобинизма. Последующий якобинизм имел с ним очень мало общего и, напротив, очень много общего с позднейшим социально-революционным движением так называемого народничества.

В парствование Николая Павловича петрашевцы были единственным в своем роде явлением и надолго остались без подражателей.

Правда, были еще высылки нескольких лиц из среды студенческих московских кружков, например, Козлова, братьев Феррано, Рыбникова 6; но все они были завзятые фурьеристы, кажется, и в мысли никогда не приходившие к политическому мышлению, почему прошли бесследно в истории развития социально-революционного дела в России. Во время полного разгула николаевского деспотизма с 49—55 года, когда все живое и честное в России, казалось, исчезло куда-то, притаилось, вся русская протестующая мысль сосредоточилась в одной блестящей фигуре, почти грандиозной, если бы она не была лишена той могучей искры самобытности, которая отличает гения. Вы догадываетесь, конечно, что речь здесь идет о Герцене 7. Он сыграл в истории развития в России революционного движения такую громадную роль, что почти невозможно указать никого другого, равного ему по значению. В сущности говоря, его дух положил свой отпечаток даже на те поколения, которые его мало знали. Деятели начала 60 годов, действовавшие под другими, современными им влияниями, если не более глубокими, то совсем иными, находились, хотя и сами не сознавая этого, под сильным влиянием герценовских идей. Вообще же трудно найти хоть какое-нибудь позднейшее направление, где бы хотя косвенным образом, в какой-нибудь детали иногда не отразилось влияние Герцена. Даже народничество, по-видимому, наиболее чуждое такого западника, как Александр Иванович, даже оно, пожалуй, может считать свое родословие с его письма к Мишле о русской общине, где весьма ясно высказаны основные принципы народничества — развитие социалистических учреждений из чисто народного общетрудового начала 8. Из факта его отзывчивости на весьма различные по принципу направления социализма ясно, что он сам и в политическом и в общественном смысле был блестящим, неподражаемым эклектиком. Время для научного синтеза политического и социального направлений еще не пришло, ибо самое направление не только не выработалось, но даже и недостаточно обозначилось. Нужно было много лет теоретического мышления и фактической борьбы в попытках реализации этого мышления, чтобы совершилось уяснение этих течений. Синтез же, как кажется, еще вопрос далекого или близкого буду-

И тем не менее роль Герцена в истории революционного движения громадна. Его «Колокол» был неумолкаемым призывом к политической борьбе, призывом, действующим всеми средствами — от желчной иронии до серьезной постановки вопросов, от мелкой обличительной насмешки над какимнибудь сановником до воинственных поэтических взрывов революционной страсти и горького отчаяния в настоящем. До одного никогда не доходил Герцен — до отчаяния в будущем. Он был тем римским консулом, разбитым Ганнибалом, который заслужил благодарность отечества за то, что не отчаивался в его спасении 9. Герцен звонил и звонил в набат, и не только дурацкий ночной колпак, но и железная каска деспотизма и рабский убор крепостничества, надвинутый на уши, по-видимому, спящего общества, не гарантировали этих ушей от опасного для деспотизма набата. Фактических результатов этот набат, правда, не имел и не мог иметь, попыток реализации революционных стремлений не было и не могло быть.

В 60-х годах, в эпоху расцвета политической жизни в России, несмотря на громадное распространение герценовских идей, не создалось все-таки ни одного политического направления, ни одного течения, которому можно бы было присвоить название герценовского. Но причиной этого было то, что само это учение, если не было достаточно глубоким, то зато было слишком широким и ярким, чтобы быть приуроченным к какому-нибудь

одному направлению.

н. г. чернышевский и 60-е годы

С первого взгляда может показаться странным, что прямо от Герцена мы переходим к Н. Г. Чернышевскому. Между тем связь между ними в мышлении и во влиянии их на развитие революционной идеи в России не только несомненна, но и вполне необходима с философской точки врения *. В истории наук эклектизм часто предшествует критике и развитию какой-либо отдельной науки на новых началах. Из истории философии во Франции, например, эклектизм Кузена 12 несомненно прокладывал дорогу позитивизму. В астрономии эклектизм Тихо-де-Браге логически стоял перед Кеплером и Галилеем ¹³. В политической экономии, в этой новейшей из наук, несомненно критицизм и эклектизм были одним из стимулов возвращения науки к истинным научным методам и служили переходом к Марксу, Лассалю и Н. Г. Чернышевскому. То же можно сказать и относительно развития русской научной мысли, где эклектизм Герцена самым непосредственным образом предшествовал научному мышлению Чернышевского, и это не только в науках социальных, но и в некоторых других сферах мышления. Например, в философии статья «Антропологический принцип» имела предшественницей «Письма об изучении природы». Сам Герцен, кажется, понимал эту генетическую связь между собою и Чернышевским, если верить слуху, будто он хотел передать ему руководительство заграничной русской печатью.

Не понявши хорошо значения Н. Чернышевского в русской жизни, навряд ли можно понять не только это полузабытое прошлое, которое называется 60-ми годами, но мало будет понятно и настоящее. Отпечаток этой личности слишком еще силен и очевиден, даже те уклонения от истинной научной дороги, которыми Чернышевский соприкасался с метафизическим социализмом, имели громадное влияние на современное общество. Здесь совсем не место вдаваться в сколько-нибудь подробную характеристику литературной деятельности этого писателя и обрисовку его характера, — тем более, что все это мы должны предположить известным. Но полагаем, не будет лишним сказать, что именно художественной и сердечной своей стороной Чернышевский представляется стоящим на перепутье между строгим мышлением и блестящими гипотезами фурьеризма. К этому отделу, если можно так выразиться, принадлежат, например, его взгляды на так называемый женский вопрос и на разные общественные и исихологические стороны этого вопроса. Таким характером научно-мечтательным отличались и вообще так называемые 60-е гопы.

Один из наших известных и симпатичных писателей г. Успенский в какой-то из своих мелких газетных статей с глубоким благоговением вспоминает время непродолжительного расцвета русской мысли в 60-х гг. 14

Не только благоговение и любовь к этому прекрасному прошлому русского общества, но и призывы к основным, характерным идеалам его звучат в каждой строчке его статьи. Увы! история не возвращается. Как бы то ни было, не мешает вспоминать чаще это время, когда во всех слоях общества была разлита светлая гуманность, хотя несколько темная и неясная, но тем не менее реальная. Вера в близкое счастливое, прекрасное будущее, уверенность в своем желании и в своих силах создать его —

^{*} Мы, конечно, употребляем здесь слово «революционный» в самом широком его значении, потому что в подпольной агитации Чернышевский никогда не участвовал 10 и пострадал лишь за свою литературную деятельность в цензурных рамках: характерно для его дела заявление одного из членов следственной комиссии по каракозовскому делу, Огарева, который заметил, что Чернышевского он «охотно бы повесил, хотя, по правде сказать, он ни в чем не виноват» 11.

вот тот нравственный идеал, который проникал, по мнению г. Успенского, все образованное общество.

Из другого лагеря профессор Иванюков в своей речи о развитии пессимизма в русском обществе берет ту же тему 15; он также страстно привывает 60-е годы всеми силами своей души как образец, достойный подражания, и характеризует их почти так же, как и г. Успенский.

Правда, тон несколько другой, у народника Успенского на первом месте народные нужды и стремления, у либерала и катедер-социалиста Иванюкова — общие гуманные принципы и идеал общечеловеческих неотъемлемых прав. Но на то они и люди все-таки разных лагерей, хотя, очевидно, и тут нашлась точка соприкосновения, наметился, если не вполне высказался, тот синтез, который, по нашему мнению, будет задачей теоретического мышления и практической деятельности во второй половине 80-х годов. Да, надо было пережить всю эту идейную, страстную сумятицу, которую представляют 70-е годы, надо было выстрадать искание новых истин и новых начал, характеризующее эти годы, и надо было попасть после этих честных исканий, после этой разнокалиберщины мыслей, убеждений, гипотез и чувств в ту омерзительную помойную яму, без воздуха и просвета, в это парство торжествующей свиньи, именуемое 80-ми годами, — надо было перетерпеть все это, чтобы серьезно и с благоговением обратиться, как обращается верующий магометанин к своей каабе 16, к этому золотому веку русского общества. Да, золотой век, и по совести сказать, как всякий золотой век, -- весьма туманный и весьма проблематический.

Понятно, что мы не можем иметь претензии рассказать интимную историю 60-х годов с их стремлениями, их духом и их отличительными чертами. Слишком смело только почти при багаже личных воспоминаний браться очертить такую важную сторону русской жизни, как появление и развитие социально-революционной идеи с разнообразными и сложными, определяющими ее факторами.

Только одно то соображение, что что-нибудь в этом отношении должно быть сделано, дает нам смелость попытаться указать хотя несколько черт из этой интимной истории. Прежде всего, на этом пути мы встречаемся с глубокой верой в неизбежность переворота — неизбежность, ясную для всех. Начиная от правительственных агентов и до крайних радикалов, с сознанием, что живешь накануне чего-то великого и решающего судьбу всякого человека в России, — вот характерная черта того времени. Далее крестьянский топор, крестьянская, имеющая естественно, сама собой произойти революция, - для одних пугало, для других желательное и немного страшное неизвестное — вот фон всего революционного мышления того времени. Все готово, все сделано, и делать больше нечего в этом смысле, кроме того разве, чтобы бросить искры в готовый для горения материал... И сомнений никаких нет относительно тех жгучих пунктов несогласия идей и даже интересов народа и интеллигенции, тех пунктов, над которыми мучилось и погибало, делаясь нервозными, больными, целое поколение 70-х гг. Все просто и ясно... Воля и Земля, Земля и Воля — вот лозунг, всепоглощающий, всеобъемлющий, из которого могут быть выведены все законные требования и удовлетворения, все нравственные нужды интеллигента. Вдали звучит прекрасная, всепримиряющая песнь торжествующего труда:

Слава святому труду! Счастье и труд, Вместе живут... ¹⁷

В огромном лозунге: «Земля и Воля» — сходятся все самые разнородные элементы, решительно не сознавая своих основных несогласий, — и либе-

ралы, и революционеры. Все сознают, что это лозунг самой жизни, что ничего другого русская жизнь не может дать и что только при торжестве этого принципа можно вообще жить. А торжество неизбежно. Небольшая кучка людей, вроде Волгина (как называет себя Чернышевский в романе «Пролог»), может сомневаться, может не верить, но и она уступает течению. Что за дело до их сомнения, до их неверия, когда верит все, окружающее их... Да и Волгин не верит и сомневается не столько в силу идей, сколько в силу темперамента. По крайней мере, рядом с ним стоящий Добролюбов, не веря ни в политическую зрелость русского общества, ни в именины сердца русского правительства, верит в мужицкий топор и всеми силами своей могучей, страстной натуры призывает этот топор, как единого спасителя из дебрей либеральной болтовни 18.

Он тут не видит противоречия так же, как не видели его и все другие... Да этого противоречия и нет. Требования интеллигенции не расходятся с требованиями народа. А идеалы его? Да есть ли эти идеалы? Даже навряд ли вопрос такой задается, а если бы и задавался, то с общеевропейской научной точки зрения вопрос о народном идеале как об идеале массовом получил бы отрицательный ответ. Единственный, или почти единственный, писавший тогда ярый народник Левитов описывает народное горе, народную нужду, народное невежество, описывает симпатические черты, сохранившиеся в народе, несмотря на крепостной гнет ¹⁹. Но цельных социальных и тем менее политических идеалов в народе он не видит так же, как не видят их социалисты-европейцы школы «Современника». «Земля и Воля»— великий и осмысленный идеал для интеллигенции. идеал, заключающий в себе целые, ясно определенные, твердо установившиеся категории политических и общественных мыслей, для народа только смутно представляющаяся потребность, его живой интерес, бессознательная идея, говоря научным языком. Даже в существование идеи «царизма», которая играет большую роль в сознании последующих поколений, даже в существование этой идеи в народном сознании люди 60-х годов не верят, да история и не давала почвы для такой веры, а будущее для них было слишком светло, чтобы допустить возможность подобного давящего кошмара.

Несомненно, что настроение всего общества положило свой отпечаток на революционное движение той эпохи. Прежде всего, самое, так сказать, всеобхватывающее, синтетическое свойство мысли исключило возможность анализа и отделения политических идей от чисто социалистических. Вообще все движение того времени следует назвать общественным в широком смысле этого слова, т. е. политическим по форме, с богатым содержанием различных социалистических мыслей и с сильным социалистическим оттенком. В смысле же методов действия и средств оно не могло быть никаким другим, как прокламационным ²⁰. Повторяю, что в умах всех передовых людей того времени горючий материал представлялся вполне готовым и в революционном отношении делать было нечего, как только бросить искры. Такими искрами были непрерывно и целыми массами сами являющиеся прокламации... Не было места, где бы они не встречались, не было лица, сколько-нибудь выдающегося в обществе, которое не получало бы их прямо по почте и совершенно невольно не делалось распространителем их, храня их у себя и читая своим знакомым. Герценовская жилка, герценовская манера слишком очевидны во всех этих тогдашних прокламациях, хотя, понятно, мы совсем не думаем сказать этим, что прокламации исходили от него. Нет. Действовало отнюдь не одно лицо: действовала, думала, а, думая, и писала целая масса лиц 21, но они, эти лица, всецело отражали в себе революционный дух Герцена. Вот почему, говоря раньше о Герцене, мы утверждали, что никто, быть может, из деятелей не положил такого яркого отпечатка на целую эпоху, как Герцен. И эти прокламации,

СБОРНИК «СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС», № 1 ⟨Казань⟩, 1888 Обложка

Здесь напечатана статья П. Ф. Николаева «Очерк развития социально-революционного движения в

СБОРНИКЪ

" СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ"

767

POCCIA.

Изданіе Группы Соціалистовъ-Народинковъ.

1888.

сообразно своему назначению быть искрами, были ими действительно. Они ничего не разъясняли, не выставляли никаких принципов, никаких идеалов будущего, даже не указывали никаких методов революционного действия — и этим рельефно отличались от всей последней подпольной литературы. Да и понятно: к чему было все это, когда идеалы известны, цели ясны, разъяснений никаких не надо, ибо все понимают, что нужно, указание методов лишнее, ибо метод только есть один, и этот метод известен всем — это просто народное восстание, всеобщее, охватывающее всю Россию. Понятно, что при таких основных идеях прокламации были не чем иным, как воззванием к мужицкому топору. И при этом еще отметим одну черту. Пугачевщина в смысле какого-нибудь главенства была столь же далека от мысли людей 60-х годов, как и Пестелевщина в смысле заговора. Ни заговора, ни народного царя, даже ни народного героя, а только единый, всемирный, всеобъемлющий и всеобхватывающий народ, вполне способный к самоопределению и если не знающий своих бойцов, то инстинктивно идущий с ними рука об руку. Одною из числа сильно рельефных таких воззваний к топору была и известная «Молодая Россия», зовущая народ к ниспровержению не только трона, но и алтаря, за которую был сослан Михайлов, подлежал аресту накануне смерти Добролюбов и за расклейку которой были сосланы двое юношей, почти мальчиков, Васильев и Волков 22.

Трудно не улыбнуться теперь, читая или вспоминая эту прокламацию, но тогда улыбаться никому не приходило в голову, да философски мыслящий человек не улыбается и теперь. Он поймет, что идеи времени требовали именно такого, а не иного выражения.

Следует, впрочем, отметить, как переходное к последующей эпохе явление, попытку организации революционных сил, проявившуюся в образовании тайного общества «Земля и воля». Но это общество всецело

принадлежало к прокламационному периоду русской революционной истории. Оно не носило характера какого-нибудь заговора, имеющего свои отдельные цели и свои отдельные методы действия. Нет, оно всего скорее может быть названо обществом писания и распространения прокламаций. Следует признать, что эту задачу оно исполняло блестящим образом. Прокламации «Земли и Воли» были распространены весьма пироко ²³. Не найдя сбыта и распространения среди тех классов общества, на которые особенно рассчитывала организация и для которого преимущественно издавала свои воззвания, т. е. среди русского крестьянства, «Земля и Воля» (не) усумнилась, тем не менее, в пригодности прокламационного плана действий и отсылала свои прокламации туда, где она предполагала усиленное присутствие горючего материала, в Литву и Белоруссию, находившиеся накануне восстания.

Мы недаром назвали все движение 60-х гг. синтетическим. Этот термин отнюдь нельзя смешивать с термином «коалиционный». Последнее предполагает анализ, подробную разработку в основных идеях и разграничение их при сознательном соглашении между идеями, часто с значительными уступками каждой из сторон. Ничего подобного не было в 60-е годы. Время анализа не наступило. Именины сердца, со всех сторон охватывающие человека 60-х гг., мешали разобраться в идеях и видеть их несогласимость, или, по крайней мере, принадлежность их к разным категориям мышления. Анализ наступил с реакцией и разочарованием. Школа «Современника» действовала, правда, и тогда уже в этом направлении, отделяя пшеницу от плевел, но по самым условиям этой деятельности осязательные результаты сделались заметными только в последующую эпоху. До тех пор!даже то литературное общественное явление, о котором мы скажем ниже и которое назовем общим названием «писаревщины», не представлялось не только стоящим в противоречии с основными социально-революционными мыслями, но даже и не представлялось и серьезным уклонением от этих основных мыслей. Синтетический характер эпохи выражается часто в таких общественных явлениях, которые в эпохи последующие, в эпохи неверия и анализа, были бы названы и не могли быть иначе названы, как изменой делу, но тогда не носили такого позорного имени потому, что не противоречили основным мыслям эпохи. Приведем два, три факта для объяснения сказанного: после манифеста об освобождении крестьян с землей Герцен в «Колоколе» предложил пить за здоровье Александра II. Правда, это вызвало протест со стороны молодого поколения, заявление, что Герцен отстал от движения и не понимает его, и полный грустного достоинства ответ Герцена 24. Но слово «измена» произнесено не было, да и сами обвинители Герцена стояли на той же почве, на которой стоял и он. Чтобы понять, какая это почва, приведем другой случай: известный, после сосланный и умерший в Иркутске революционер Серно-Соловьевич лично подал государю докладную записку с радикальным оттенком о крестьянском деле. На этой записке Александр II положил резолюцию: «Объявить Серно-Соловьевичу, что его записку прочел с удовольствием» ²⁵. Крестьянин Мартьянов написал Александру резко свободолюбивое, почти республиканское, но полное доверия письмо, за которое потом и умер в Сибири 26. Эти факты весьма характерны. Человек, признающий себя несомненным революционером, пишет представителю монархической власти и указывает ему путь, по которому тот должен идти для блага России. Теперь это непримиримое противоречие, дикая идея, или измена, а тогда только одна сторона огромной синтетической мысли. Дело-то именно и заключается в том, что для революционеров 60-х гг. Александр II что-нибудь одно: или он представитель старого деспотизма, и тогда должен быть низвергнут и немедленно замещен самостоятельно управляющимся народом, вполне готовым к политической жизни, или же он не царь, а просто человек, случайно попавший на трон и могущий фактически произвести переворот, который уже произведен в психии массы и только должен быть оформлен. Деятели 60-х годов, те же самые Герцен, Серно-Соловьевич и др., стояли несомненно на первой точке зрения, но первая точка не противоречила и второй; по крайней мере, не впадая во внутреннее противоречие сами с собой, люди 60-х гг. временно могли перестать смотреть на Александра II как на царя и начали смотреть на него как (на) человека эпохи. Когда несколько позднее Бакунин издал брошюру: «Пугачев, Пестель и Романов» 27, отдавая предпочтение последнему, он стоял еще на точке зрения 60-х годов, способный слить все, даже идею царя с идеей революции...

И, быть может, только один человек составлял исключение из всей массы тогдашних деятелей, подвергая общественное направление скептическому анализу, в чем его великая общественная заслуга ²⁸.

Революционная волна охватила все проявления общественной жизни, даже самые мелкие, даже такие, которые по своей сущности не имели, собственно говоря, никакого отношения к революционной идее. Даже то движение, которое можно назвать социалистским, которое непосредственно примыкает, с одной стороны, к метафизическому социализму, а с другой, к лозунгу: «прожить свято», т. е. к тому направлению, которое выступило в последующий период как писаревский нигилизм, — даже это движение, широко распространенное во всех интеллектуальных центрах России и из всех явлений 60-х гг. уцелевшее дольше всех, именно по своей мелкости, по своей метафизичности, даже оно в головах своих участников было проникнуто несомненным революционным духом. Представляя на практике просто жалкие попытки устройства товарищеских ассоциаций, или, как говорили тогда, «коммун», т. е. не имея по сущности никакого отношения к широкой синтетической мысли о «Земле и Воле», тем не менее и оно окрашивалось в головах участвовавших лиц революционным оттенком; для них «коммуны» были светильники, на горе стоящие, для освещения пути в близкое, прекрасное будущее, характеризуемое лозунгом: «Земля и Воля».

Нечего и говорить про такие явления, как студенческие истории 60-х годов, они в глазах публики не имели другого характера, как революционный, и в качестве таковых пользовались всеобщей и громадной популярностью.

Чтобы не погрешить против полноты, следует, говоря о синтетическом духе времени, упомянуть также об отношениях русской революционной и отчасти либеральной (не забывайте, что они тогда стояли близко друг к другу) партии к польскому и малорусскому движениям. В этих отношениях как нельзя лучше проявляется синтетический характер тогдашнего революционного мышления. В большинстве, по крайней мере, русские революционеры смотрели на дело польское как на свое дело. Не забывая своего, чисто русского, чуть было не сказали мы «народнического», лозунга: «Земля и Воля», русские революционеры принимали фактическое участие в польском деле. Польская «неподлеглость» не смутила и не могла смутить революционеров 60-х гг., потому что она целиком входила в более широкий принции «Земля и Воля»... Движение областное, известное тогда под названием «хлопомании», появилось почти одновременно на двух, почти противоположных концах России: хлопомания литовская (Куржина, адъютант Мерославского *) и хлопомания малорусская 29. Последняя распалась на польскую и чисто малорусскую. Представьте себе их, и вы пой-

[•] В печатном тексте во всех трех словах допущены искажающие смысл опечатки: «кружина адъютанта Мероманского»; в списке опечаток исправлена только фамилия Мерославского.— $Pe\partial$.

мете, как велика была синтетическая сила русской революционной мысли, умевшей охватить и объединить эти разнородные движения одним, чисто социалистическим лозунгом: «Земля и Воля». Для этой мысли подлинно не было ни еллина, ни иудея 30, а были одинаковы все народы, входившие в состав России и определяющие сами свою судьбу на основании единого принципа — социалистического в общественном смысле и свободолюбивогуманного в политическом. И этот принцип, не будучи строго научным, так как он не прошел через стадию разложения и научного анализа, имел в себе великое достоинство синтетической общности, а стало быть, идеальности.

В заключение скажем, что это было счастливое время, замечательно наивное и человечное, умевшее даже всякий пустяк обливать лучезарным светом идеала гуманности и правды, и не вина этого времени, не вина людей этого времени, что свет оказался лишь блеском мишурной позолоты.

Счастливы были они, эти верующие в русский народ и в русскую революцию люди... И однако мы ошьбаемся, говоря о мишурном блеске, почему поспешим взять свои слова назад. Нет! Это не мишурный был блеск, котя за ним и последовали долгие годы мучительных разочарований и исканий грядущего града, а пока в настоящем результате волчье логовище 80-х годов. Нет, не мишурный это был блеск! Если в чем и ошибались люди 60-х гг., то только в своем мнении, что они живут накануне великой фактической революции, тогда как на самом деле они жили среди не менее великой, но скрытой общественной революции, которая худо ли, хорошо ли создала новую Россию. Этой новой России, России кающейся и исстрадавшейся, России разночинца, уверенного в своих силах, России, наконец, еще не родившегося, но уже чреватого будущим народа как общественного деятеля, этой новой России предстоит произвести ту фактическую революцию, о которой мечтали люди 60-х гг.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Медленно и последовательно наступающая реакция с 62 и 63 гг. с трудом может быть объяснена* историей, если она остановится только на внешних фактах общественной жизни и не сумеет уловить характерные черты как предыдущего, так и нового периодов. Было бы слишком поверхностно и слишком мелко объяснить все дело только правительственным гнетом, начавшим действовать достаточно беззастенчиво, и экономической политикой правительства, стремившегося все интенсивнее заменить идеалы 60-х гг. культом золотого тельца. Несомненно, впрочем, что эти две причины играли весьма видную роль в разрушении основных идеалов 60-х гг., идеалов социального и политического переворота, производимого самим народом путем внезапного и радикального низвержения всего старого. Несомненно также, что общество подкупалось экономической политикой правительства, открывавшей поприще беспечального и по внешности почетного существования, - и для кающегося и в то же время, правду сказать, разоренного и не знающего куда деваться дворянина, и для разночинца, все большими массами выбрасываемого наверх волнами взбудораженного социальной реформой общества. Подкупалось общество и другой стороной правительственной деятельности — продолжавшимися реформами.

Навряд ли в то время был хоть один человек, который бы ясно понимал истинное значение крестьянского дела, который сознавал бы, что вновь вводимые реформы суда и местного самоуправления не стоят в прямой

^{*} Исправлено на: навряд ли может быть удовлетворительно объяснена

связи с освобождением крестьян 31. Тогда были бы удивлены, если бы кто сказал, что они стоят с ним в связи отрицательной, регулирующей крестьянское дело, как выражались несколько позже, а вернее сказать, просто создающей и организующей такие общественные силы, которые роковым образом должны были разрушить развитие экономической жизни народа на общинно-социалистических началах, направив ее на путь капитализма. Разработка вопроса с указанной выше точки зрения пала на долю 70-х гг., которые и исполнили свою задачу блестящим образом, оставив нам богатое наследство теорий и фактов, из которого современному, да и будущим, вероятно, поколениям остается только черпать полными пригоршнями, чтобы опять дойти на новых основаниях до того синтетического революционного мышления, которое по нашей характеристике отличало 60-е гг.; люди начала 60-х гг., в силу своего существенно революционного, а стало быть антиправительственного направления и своей веры в создающие силы народа как политического деятеля, не имели прямо повода заниматься мелкими, но сложными вопросами, ежеминутно выдвигаемыми жизнью и правительственной деятельностью. Для них в этом отношении всякая реформа, всякое действие правительства отнюдь не имели значения какоголибо решающего фактора будущего; они представлялись этим людям просто или задержкой, или облегчением недалекого переворота, который произведет сам народ. При таком взгляде подробности устройства суда, самоуправления, общественного преподавания* были просто мелочами. не имеющими связи с настоящим делом жизни, а разве дающим интеллигенции возможность выказать солидарность научных результатов с народными требованиями. Да и это ведь в виду близкого радикального переворота не важно....

Но для людей первой русской общественной реакции, для людей второй половины 60-х годов, дело обстояло несколько иначе. Для них именно эти реформы представляли настоящее дело потому, что в их представлении они давали готовые рамки, в которые можно влить пробудившиеся общественные силы. Антиправительственны эти люди были даже более, чем их непосредственные предшественники,— по крайней мере тогда уже сделались невозможны такие факты, которые мы приводили, говоря о начале 60-х гг.,— но революционны они были несомненно меньше.

Постараемся выяснить эту разницу. Второе поколение 60-х гг., потеряв веру во многое другое **, потеряло ее и уже окончательно и бесповоротно и в правительство. Правительственная реакция внутри России, подавление польского мятежа унесли все, еще могущие оставаться в этом отношении иллюзии. Никому уже не могло прийти в голову смотреть на Александра II как на человека эпохи, он опять входит в свою роль монарха ***, и весь вопрос относительно его сводился просто к тому, может ли он быть монархом конституционным или нет. Думать же о нем, как о временном народном царе и диктаторе, делающем народное дело и вместе с тем удовлетворяющем требованиям интеллигенции, — было логической невозможностью. Нельзя сказать, чтобы последняя мысль была обыкновенной и распространенной и в людях первого поколения, но она не противоречила их основным идеям, тогда как для наследников их она была, как сказано выше, невозможна. Даже и вопрос об его конституционности, так сказать, т. е. о способности стать окончательно на новую дорогу ввиду ярких фактов совершающегося, для многих подлежал сомнению. Впрочем, в обществе, в клубе, в театре, на бульваре ****, даже в официальных учрежде-

^{*} Зачеркнуто: общественного преподавания; вставлено: школы и пр.

^{**} Зачеркнуто: другов

^{***} Исправлено на: монарха-самодержца

^{***} Исправлено на: в клубах, в театрах, на бульварах

¹⁴ Литературное наследство, т. 87

ниях слышались со всех сторон весьма громкие и вполне открытые разговоры о конституции, которая будто бы уже пишется в Петербурге и не сегодня — завтра будет опубликована.

Очевидно, из идеалов 60-х гг. это только и осталось в головах публики, и для нее весь вопрос состоял в том, подпишет или нет, годен Александр II как конституционный монарх, или он остановился уже на проектированных и уже объявленных реформах. И это все. Произошел замечательнейший, в некотором роде небывалый исторический факт *: о народе забыли, о том самом народе, который составлял прежде и центр, и окружность, одним словом, все ** в истинных идеалах 60-х гг. В мышлении русского общества произошел или громаднейший переворот, или просто приостановка. Из скорлупы политического мышления вывалилось и куда-то исчезло социалистическое ядро. Люди второй половины 60-х годов, оставаясь либералами, антиправительственными мыслителями, радикальными политическими реформаторами, перестали быть социалистами и вместе с этим неизбежно перестали быть и революционерами.

Последнее представляет характернейшее обстоятельство, определявшее прежде, определяющее теперь и имеющее впредь определять все течение русской мысли. Не быть для русского социалистом — значит не быть и революционером. С другой стороны, невозможно быть социалистом, не будучи революционером. В этом лежит характерное различие истории современной России от истории Европы.

Возвращаясь к предмету, заметим, что основное различие двух рядом стоящих поколений, можно даже сказать, одного и того же поколения, но только в разные эпохи его политического развития, и сделали возможными такие странные факты, как защита Писаревым и его сподвижниками по журналу «Русское слово» тургеневского Базарова ³². На всю читающую Россию раздались решительные и еще неслыханные и просто невозможные в первый период описываемой эпохи слова Базарова: «Что мне за дело, что у мужика будет белая хата, когда в то время из меня уже лопух расти будет» ³³. Такое заявление, существенно эгоистическое и построенное прямо на началах личности, до сих пор чуждых русским партиям, было лозунгом истинного нигилизма, того явления русской жизни, которое можно окрестить общим названием «писаревщины». Тип Базарова, страстно принятый этим направлением, возбудил протест в людях, верных прежним началам, и произвел в прогрессивной интеллигенции раскол. Как ни слабы были эти протесты, как ни жалка была чуть не личная перебранка Антоновича с Писаревым и Зайцевым, но люди, проникнутые еще идеалами 60-х гг., примкнули к Антоновичу и вознегодовали на Писарева.

Куда же девалась вера в народ, в его способности к активной роли, бывшая лозунгом 60-х гг. и управлявшая революционной деятельностью того времени? Куда девался этот самый народ, тот таинственный незнакомец, который составлял альфу и омегу всего русского мышления? Почему он, никогда еще не выступавший на практическую арену, быстро сошел и с арены теоретического мышления? По нашему мнению, существенная причина этого кроется в совершенно особом психическом состоянии, охватившем все общество, состоянии, которое может быть названо недоумением. Общество действительно недоумевало, недоумевало оно перед происшедшим коренным социальным переворотом, которого экономические последствия еще были очень не ясны, очень туманны, и социальная сторона которого производила пока одну муть и пену...

^{*} В тексте, посланном Николаеву, отсутствовало слово исторический, имевшееся в списке опечаток; слово факт зачеркнуто; вставлено: поворот.

** Подчеркнуто: все

Сделано ли что-нибудь для мужика и что сделано, оставалось вполне непонятным, а он не говорил ничего, он только бунтовал, но бунтовал не в смысле * идей 60-х годов, а на коленях перед агентами власти...

Идея паризма, как давящий кошмар, уже начала наваливаться на мысляшую часть общества... Картина горькая и возмутительная.... А верой без дел жить долго нельзя, и делать без веры невозможно. Между тем верато и исчезла, а анализ ничего еще не разложил, ничего не выделил из общей массы идей, кроме неприкосновенности общечеловеческих прав личности, т. е. ту же мечтательную метафизику, только в другом стиле. В это время на поверхности общественной жизни выделились, взаимно пополняя друг друга, типы двух общественных групп. Кающийся дворяния 34, от- ∂as по евангельскому слову имущество нишим, попробовал работать в народе в смысле устроителя его судеб (много тогда было этих благородных, но ничего не понимающих устроителей), попробовал слиться с ним в его принципах физического труда, убежал при неудаче этой попытки работать куда-нибудь в Европу, в Америку, и зрелым и вместе с тем же разочарованным вернувшись оттуда, стоял все с тем же недоумением и перед тем же таинственным незнакомпем — народом, как и в начале своего трагического поприща. Разночинец, которого общественная дифференциация только что начала выбрасывать в жизнь и который до тех пор был крепко присосавшимся паразитом к связной и неделимой гнили крепостного права. разночинец слишком знал народ, чтобы верить в него, слишком исстрадался вместе с ним и слишком ненавидел, чтобы любить; ему, измученному вместе с народом, слишком дороги ** приобретаемые им теперь права, слишком дорога открывавшаяся перед ним светлая, как он полагал, приобщенность к началам европейской науки и цивилизации, которых он прежде и не нюхал, чтобы он всей душой не прильнул к этой стороне общественного движения. Он был естественный нигилист по отношению ко всему существующему, даже и к народу, с которым он, по-видимому, был неразрывно связан. Наука и цивилизация, обещавшие ему все, для него лично в данный исторический момент нужные и порогие, дадут, думалось ему, без сомнения все и народу.

Такова была, нам кажется, общественная психия периода, о котором мы говорим, и только она одна объясняет тот громадный успех, каким пользовалось литературное направление, названное нами для краткости «писаревщиной». Обращаясь к этому направлению, следует заметить, что оно было отступлением от социально-революционных идеалов 60-х годов и не было прогрессивным явлением в развитии русской мысли, но являлось продуктом эпохи приостановки этой мысли. До каких поразительных нелепостей доходило оно и самый его весьма влиятельный и талантливый родоначальник в полнейшем непонимании общественных явлений, с поразительной ясностью доказывает то обстоятельство, что он пресерьезным образом советовал Щедрину бросить свою сатиру и заняться популяризацией последних результатов естественных наук 35. Но характеризуя отрицательную сторону влияния на общество этого направления, не следует забывать и положительной; это положительное влияние было чисто приготовительным, как и вообще весь этот период может быть назван приготовительным ***. Было бы совершенно неестественно думать, чтобы общественная мысль России могла остановиться на нигилистической фазе своего развития. Нигилизм, как объяснено выше, был только естественным и первым шагом вступления разночинца на поприще общественной деятельности. Масса молодежи, вновь выдвинутая на историческое поприще, жадными устами припала к источнику европейской науки, уничтожающей и низ-

^{*} Зачеркнуто: в смысле; вставлено: в роли

^{**} Исправлено на: дороги были *** Исправлено на: подготовительным

Д. В. КАРАКОЗОВ Фотография, 1866 Центральный исторический архив, Ленинград

вергающей все старые устои русской жизни, всю ту умственную и нравственную гниль, среди которой жили неисторические до тех пор слои народа. В этом смысле приготовления целых масс людей писаревщина и ее нигилизм сослужил большую службу. Всякий деятель последующих, а именно 70-х гг. засвидетельствует, что когда он вступал на дорогу агитации и пропаганды, он везде, даже в глуши какой-нибудь, находил массу живого матерьяла, готового по первому призыву идти по социально-революционному пути. И этот матерьял был приготовлен направлением, если не антиреволюционным, то во всяком случае внереволюционным, одним словом, писаревщиной.

Говоря о господствующем настроении русского общества, мы, конечно, не утверждаем, чтобы прежнее недавнее направление исчезло совершенно. Если какое-либо направление жизненно, если корни его глубоко заложены в общественной психии и в существенных интересах массы народа, оно никогда не погибнет бесследно даже и на время; это не феникс, возрождающийся из пепла, а вечно живущее солнце, только на время не светящее потому, что закрыто мрачными тучами, но имеющее засиять неизбежно в близком будущем. Говоря проще, такое направление живет непрерывно в большей или меньшей группе людей, смотря по общественным условиям. Это можно утверждать и относительно социально-революционной идеи, потому что она, по нашему мнению, неизбежно вытекает из самого склада русского общества. Выше мы говорили уже, что даже нигилизм и представляющая его в литературе писаревщина не остались без отпора и протеста. Да иначе и быть не могло: аналитическая мысль общества, работая в смысле разложения идеалов 60-х гг., работала в некоторых людях и в смысле

Н. А. ИШУТИН
Фотография А. Гофмана. Иркутск,
1868
Институт русской литературы

АН СССР, Ленинград

укрепления и, так сказать, уяснения и переформировки этих идеалов. Фактически на поприще деятельности революционной аналитическая работа мысли в этом последнем направлении проявилась только в 66 г., но понятно, что самая-то работа существовала во весь этот период в самый разгар нигилизма. Вы понимаете, конечно, что речь здесь идет о так называемом каракозовском деле. Приговор прямо свидетельствует, что те кружки, которые потом участвовали в этом деле, существовали со времени студенческих движений и тогда еще отличались ярким социалистическим характером. Если же проследить биографии всех главных участников дела, то будет очевидно, что после студенческих движений они пережили и многие из тех форм революционного движения, которые были свойственны началу 60-х гг. Дело это по своему характеру уже довольно резко отличается от тех форм революционной деятельности, которые были свойственны недавнему прошлому. На этом основании Петр Лаврович Лавров в своем очерке социально-революционного движения в России упомянул о нем как о первом со сколько-нибудь ясно выраженным революционным характером ³⁶. Между тем из предыдущего изложения развития социально-революционной идеи очевидно, что это, собственно говоря, совсем не так *. Но несомненно, впрочем, что это было первое дело, где социально-революционная идея, подвергшая анализу идеалы 60-х гг., видоизменив их, выразилась вполне и начертала определенную и обоснованную на русскосоциалистических принципах программу действия. Характерно то, что в этом процессе никто из участников не выдавался каким-либо талантом —

^{*} Исправлено на: не совсем так.

литературным, ораторским, даже агитаторским. Этот процесс представляет, быть может, единственный в России пример полной заурядности деятелей при огромности поставленной ими себе задачи *. История как бы хотела показать, что идея, если она жизненна и коренится в самых основах и требованиях современности, если она ясно сознана как единый возможный идеал будущего, может сделать из своих носителей, как бы ординарны они ни были, героев мысли, если не дела. Единственное условие, которое при этом идея, так сказать, ставит своим представителям, это ясное сознание ее самой. В том-то и состоит заслуга всей группы людей 66 г., что среди еще царящего нигилизма, среди вяло и жалко несомого в литературе знамени идеалов 60-х гг. **, полной дезорганизации всех умственных сил России, они сознали новую социально-революционную идею и смело подняли ее знамя. Не беда, что они сами были ординарны в умственном, и, может быть, хуже, чем ординарны, в нравственном смысле, что знамя их и их программа пропали *** бесследно пред продолжающим недоумевать обществом. Будущее, и будущее близкое было за них.

Известно, что процессы, если они даже ведутся с полным соблюдением судебных формальностей, с полной гласностью и публичной защитой, весьма редко дают хотя приблизительное представление о настоящих задачах и основных мыслях участников дела. Разве среди процесса появится какой-нибудь из участников, обладающий выдающимися способностями формулировать эти мысли и задачи, а также и с ораторскими способностями, и найдет по обстоятельствам дела возможным высказать основные положения самого дела. Но это редко случается, еще реже бывает, чтобы ему дали говорить. Не случилось этого и в каракозовском процессе. Сколько нам известно, перед судом была произнесена только речь одного из участников ****. И что это за жалкая была речь, если принять во внимание важность излагаемых положений и их значение для будущих программ партии ³⁷. Ничего похожего на прекрасные речи Алексеева, Бардиной ³⁸ и др. Но дело, конечно, не в достоинстве речи. Важно было именно то, что здесь в первый раз пред глазами агентов власти публично было развернуто знамя социально-революционной идеи, в первый раз правительство могло понять, с каким направлением оно имеет дело. Это внезапно развившееся знамя было красным лоскутом для разъяренного быка; недаром председатель Верховного уголовного суда Гагарин ³⁹, с видимым старани-ем избегавший всякого скандала, всякой резкости, видимо, желавший соблюсти все европейские процессуальные формы, по окончании речи не удержался, чтобы не высказать говорившему: «Уже то, что вы теперь сказали, составляет государственное преступление!» Вот по этой-то причине мы считаем не лишним передать здесь существенные черты этой речи.

Говорящий начал с того, что крестьянская реформа недостаточна, что она обманула надежды русской демократии, что из принципов, положенных в ее основу, неизбежно вытекает будущее разорение крестьянства; этот результат для всякого сколько-нибудь мыслящего человека выясняется все больше и больше. «Меня назвали здесь, — продолжал оратор, —

^{*} Исключение, во всяком случае, составлял Худяков, еще молодой человек, но уже подававший большие надежды как этнограф и исследователь народного быта (фольклора). Да и вообще при этом общем отзыве автора следует помнить, что все деятели процесса пошли в Сибирь молодыми людьми и вернулись больными и разбитыми стариками. Трудно поэтому сказать, что они могли дать России при других, нормальных условиях жизни. Несомненно также и то, что и Каракозов и Ишутин были далеко не заурядными людьми. Во всяком случае, они были очень яркими революционными типами. (Примеч. редакции «Былое».)

^{**} Со слова: вяло — вычеркнуто. *** Вместо: пропали — прошли

^{****} В известной книге «За сто лет» сообщается, что оратор, о котором идет речь в тексте, автор этой статьи, П. Ф. Николаев. Этим до известной степени объясняется и характеристика речи в статье. (Примеч. редакции «Былое».)

фанатиком науки, начитавшимся Прудона и других запрещенных писателей (так обозвал говорящего его собственный адвокат, полагая, очевидно, что такой аргумент прекрасно послужит целям защиты). Не в этом, конечно, дело. и я отвергаю такое объяснение моей деятельности, тем более, что не одного же я Прудона и запрещенные книги читал».

Уясняя причины своего направления *, оратор говорил о правительственной поддержке дворянского землевладения и зарождающегося капитализма, тогда как, по мнению оратора, единственная надежда и спасение России в крестьянстве. Меры правительства разрушают общинное производство, совпадающее у русского народа с тем типом производства, который в Европе называется социалистическим и для нас составляет единственное возможное. Оратор ставил правительству дилемму: или стать на почву реальных русских интересов и поддержать именно крестьянство и его производство, или, оставаясь на той дороге, по которой оно идет теперь, вызвать революцию. Самую задачу тайного общества он определил так: посредством организации всех революционных сил в России и воздействия этой организованной силы на общество произвести нравственное, а в случае необходимости и физическое, хотя главным образом нравственное **, давление на правительство и заставить его стать на почву народной экономической политики ***.

Вот приблизительно сущность этой речи, хотя, быть может, мы изложили несколько иными словами и в иных выражениях 40. Понятно, что теперь она не заключает в себе ничего нового и интересного. Все это известно и переизвестно теперь чуть не каждому гимназисту ****. Аналитическая разработка социалистических идей сделала свое за этот двадцатилетний период. Но тогда дело обстояло совсем иначе. Тогда это были неслыханные еще никогда и нигде речи, точка зрения представлялась настолько новой, что ее не поняло правительство, да если бы речь была опубликована, то поняли бы разве немногие и из общества. В самом деле, говорить о неизбежности крестьянского разорения благодаря освобождению его — это так дико казалось, что даже могло возбудить обвинение в крепостничестве, если бы рядом не стояли другие положения. Ведь для массы публики и особенно для либералов, а отчасти и для нигилистов писаревского направления — мужик, если не благоденствует теперь, то неизбежно заблагоденствует, когда уляжется экономическая неурядица, произведенная переворотом. Да и не в мужике в данную минуту дело, а в достижении для всех общечеловеческих прав... А тут говорится о неизбежности разорения крестьян при всех правах, и говорится именно в то время, когда все общество и само правительство полагали, что и в этот переходный период мужику «хоть не уедно, да улежно». Еще страннее, конечно, среди полнейшего разгара капиталистических поползновений и правительства и общества слышать слова об единственном возможном типе народного, как противуположного капиталистическому, производства. Когда В. В. через много лет высказал ту же самую мысль, и тогда еще очень многие не понимали тех выводов, какие вытекают из нее 41. Между тем В. В. высказал ее как раз во время, когда общественный мозг был приготовлен к восприятию этого экономического положения. А тут вдруг перед важными генералами Верховного суда в 66-м году излагаются такие теории, и кем же излагаются? Почти юношей, только что сошедшим с студенческой скамьи и никогда нигде не печатавшим ни строчки.

^{*} Зачеркнуто: своего направления; вставлено: защищаемых им положений ** Слова: хотя главным образом нравственное — вычеркнуты.

^{***} Здесь помета Николаева: вставка. Этой вставки в архивном деле нет.

^{****} Особо напоминаем читателю, что эти слова написаны в 84 году под сильным влиянием расцвета народовольчества, и автору естественно было думать, что действительно эти идеи знакомы «всякому гимназисту». (Примеч. редакции «Былое».)

Мы остановились на этом обстоятельстве именно затем, чтобы показать, что часто под влиянием жизненной идеи, по евангельскому слову, «из уст младенцев сущих исходит истина», Говорящий в смысле теоретическом именно представляется младенцем, и однако этот младенец сыскал * уже тогда, в 66-м году, теоретические основы всего грядущего социально-революционного движения. Из изложения его речи видно, что этого нельзя сказать про практическую сторону каракозовского дела. Тут очевидные недомолвки, умолчания и даже извращения, весьма понятные на суде. Но все-таки кое-какие заключения можно сделать из приговора и из следствия и даже из самой речи. В последней заслуживает внимания заявление о цели общества — организовать революционные силы, существующие в России. Цель весьма важная в партиозном отношении. Очевидно, что русская революционная идея пережила уже период синтеза 60-х гг., отделила себя от всех других, слитных с ней идей и почувствовала потребность стать на дорогу тайных обществ и заговоров. Это возвращение к старому, исконному пути при совершенно новых, обоснованных на результатах новой экономической науки задачах партии указывало ясно, что этот путь признается единственно возможным для России.

Относительно задачи тайного общества характерно то обстоятельство, что оно не имело, собственно говоря, никакого названия ⁴². Тот большой лозунг 60-х гг., о котором мы говорили выше как об охватывающем все движение этих лет —«Земля и Воля», — не удовлетворял уже людей движения. Правда, он не потерял своей общности и пригодности в этом смысле, потому что опять появился позже (в 1878—9 гг.) 43, пока не был заменен другим, вероятно, более туманным и более мистическим лозунгом «Народная воля». Но в 66-м г. он, очевидно, не годился в силу практических соображений. Слишком он напоминал недавние именины сердца, к которым относились теперь скептически, напоминал прокламационный метод действия. Отметим, кстати, тотфакт, что при арестах 66-го г. не было найдено ничего компрометирующего, ни одной бумажки 44. Следствие доказало, что программы писались и обсуждались. Даже были приняты какие-то, но на деле не нашли ни одной из них. Очевидна из этого реакция против прокламационного метода действия, и отсюда и против лозунга прежнего периода. Такая перемена коренилась в резком изменении взгляда на народ и на его настроение по сравнению со взглядом в 60-х гг. Люди 66-го года недаром прожили нигилистический период, недаром по сущности своих убеждений были сами разночинцами и людьми народа, недаром также присутствовали при бунтах народа на коленях. Верить в народ как в активного политического деятеля они уже не могли. Они исправили этим логическую непоследовательность людей 60-х гг., которые, отрицая особый идеал у народа, верили все-таки в его политическую активность и в способность к самостоятельной роли.

В тесной связи с представлениями деятелей каракозовского процесса находилась их программа действий. Отрицая народ как активного деятеля **, веря только в активную деятельность единиц для блага народа, они начертали себе программу захвата партией власти. Крестьянство, единственная общественная сила в России, примкнет, думали они, к той партии, которая сумеет доказать ему, что ее действия совпадают с его кровными интересами. Надо, следовательно, организовать сильную централизованную партию, чтобы начать борьбу с правительством, которое не имеет в стране серьезной опоры.

Несомненно, что после целого ряда революционных деяний, и притом деяний чисто террористического характера, власть неизбежно растеряет-

^{*} Зачеркнуто: сыскал; вставлено: излагал

^{**} Вставлено: в данный момент

ся, и бразды правления упадут в уличную грязь и кровь, откуда поднять

их может только та же централизованная партия.

Таковы были замыслы и предположения людей 66-го г., начертавших тогда уже программу террористических действий, хотя на других несколько основаниях, чем она осуществилась позже. Выстрел Каракозова, не имевший ничего общего с делом организации 45, погубил ее в самом зародыше, чтобы все предположения и планы ее обратить в пустые мечтания *.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этьен Кабе (1788—1856) — автор фантастического «Путешествия в Икарию» (1842), в котором изложено его утопически-коммунистическое учение. В конце 1840-х годов вместе со своими последователями переселился в Америку и основал

«коммунистическую» колонию, просуществовавшую несколько лет.

² Сент Аманд *Вазар* (1791—1832) — приверженец Сен-Симона; пытался внести практический характер в отвлеченные идеи своего учителя. Один из первых утопистов, обративших внимание на роль частной собственности на средства и орудия производства как на основное условие эксплуатации рабочих капиталом. Основу его теории составляла идея преобразования собственности, опиравшаяся, однако, на уничтожение права наследования, и постепенного перехода к производительным ас-

социациям трудящихся, владеющих средствами производства.

3 «Христом женского рода» назвал Жорж Санд В. П. Боткин, о чем упоминает в своем дневнике 1846 г. жена Герцена — Н. А. Герцен (см.: Герцен, т. IX, с. 275).

4 Кроме приговора над петрашевцами, публиковавшегося в 1849 г. в ряде петербургских газет («Русский инвалид», «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), некоторые материалы об этом деле были напечатаны в Лондоне А. И. Герценом: «Доклад генерал-аудитора по делу петрашевцев» («Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», 1861, кн. 2); И. П. Л и пранди. Записка о деле петрашевцев («Полярная звезда», 1862, кн. VII, вып. 1). Следственные материалы, впервые использованные В. И. Семевским в ряде его статей конца XIX и первых десятилетий XX в., были опубликованы лишь в советское время («Петрашевцы», т. I—III. М.— Л., 1926—1928; «Дело петрашевцев», т. І—ІІІ. М.— Л., 1937, 1941, 1951).

⁵ Подразумевается партия «Народной воли», выдвинувшая на первый план борьбу

за политические свободы путем террористической тактики.

6 Алексей Александрович Ковлов (1831—1901) привлекался уже по окончании университета по делу «вертепников» (1858) — фурьеристского кружка, возглавлявшегося П. Н. Рыбниковым, затем по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами (1862) и за связь с ишутинцами (1866). Впоследствии профессор философии Киевского университета, порвавший с демократическим движением. Павел Николаевич Рыбников (1831—1885) — этнограф, собиратель былин и песен; в 1859 г. был выслан по делу «вертепников» в Петрозаводск. Братьями Феррано, по опис не памяти, названы, повидимому, братья *Орфано* — Александр Герасимович (1834—1902) и Алексей Герасимович (1837—1891); привлекались в 1862 г. по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами, а в 1866 г. по каракозовскому делу в связи с устройством в их имении на средства ишутинцев ватной фабрики на артельных началах.

7 Эта оценка Герцена весьма субъективна. Возможно, что на нее оказало влияние отношение к Герцену Чернышевского. Последний, как известно из его примечаний к письмам Н. А. Добролюбова, высоко ценил блестящий литературный талант Герцена, но холодно отзывался о нем еще в 1856 г. (см.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. ІХ. М.— Л., 1964, с. 251). По свидетельству С. Г. Стахевича (в передаче Н. А. Виташевского) о его беседах с Чернышевским на Александровском заводе, Чернышевский говорил: «Герцен — не более как очень талантливый писатель» (см.: «Чернышевский в воспоминаниях современников», т. II. Саратов, 1950, с. 214).

⁸ Статья Герцена «Русский народ и социализм» впервые была опубликована на французском языке в парижской газете «L'Avènement du Peuple» в ноябре 1851 г. под заглавием «Le peuple russe. Lettre à M. Y. Michelet, professeur au Collège de France». В нем была сформулирована идея общинного социализма, которая лежит в основе на-

роднических теорий (Герцен, т. VII, с. 307—339).

• Римский диктатор Квинт Фабий Максим (Кунктатор), спасший от гибели войска второго диктатора Рима Марка Минунция в битве с полководцем Карфагена Ганнибалом (217 г. до н. э.), несмотря на поражение, был официально признан Сенатом спасителем отечества.

10 Вопрос об участии Чернышевского в революционных конспирациях эпохи падения крепостного права остается спорным в советской литературе. По свидетельству

Исправлено на: и все предположения и планы ее превратил в пустые мечтания

А. А. Слепцова, Чернышевский не принимал прямого участия в создании и в деятельности тайного общества «Земля и воля» из-за занятости работой в «Современнике», но целиком поддерживал эту деятельность (см.: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVI. Пг., 1920, с. 75). Но по его же словам, Чернышевский участвовал в так называемом «прокламационном плане» весной 1861 г., а по свидетельству Н. В. Шелгунова, был автором не увидевшей свет прокламании «Барским крестьянам от их доброжелателей поклов» (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. І. М., 1967, с. 243).

11 Константин Ильич Осарев (1816—1877), генерал-майор, входил в состав учрежденной в 1862 г. следственной комиссии от управления Санктпетербургского генералгубернатора. По свидетельству А. В. Никитенко, мнение о невиновности Чернышевского было всеобщим в петербургском обществе. «Как было осудить его, — писал он в дневнике 24 мая 1864 г., -- когда не было никаких юридических доказательств? Так говорят почти все, даже не красные» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2 (М.), 1955,

c. 441-442).

12 Виктор Кузен (1792—1867) — французский буржуазный философ, основатель эклектической школы. Николаев видел в нем предшественника позитивизма потому, что Кузен, подобно О. Конту, отрицал метафизику, но как эклектик пытался прими-

рить это отрицание с метафизикой Шеллинга и Гегеля.

13 Тихо Браге (1546—1601) — датский астроном. Стоял перед немецким астрономом Иоганном Кеплером (1571—1630) не только «логически», но и хронологически. Наблюдения Браге за движением Марса привели Кеплера к открытию законов планетных движений. Николаев называет его эклектиком потому, что Браге отвергал одновременно систему Коперника, противопоставив ей собственную.

14 Николаев вспоминает статью Г. И. Успенского «Общественное дело» на нашей памяти», напечатанную в «Русских ведомостях», 1885, № 163, 16 июня (это была четвертая статья из цикла «Несбыточные мечтания»). См. также: Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. IX. М.— Л., изд-во АН СССР, 1949, с. 299—309.

15 Иван Иванович Иваноков (1844—1912) — профессор, буржуазно-либеральный экономист и публицист. Сведений об упомянутой его речи найти не удалось.

¹⁶ *Кааба* — храм в Мекке, важнейшая святыня у мусульман.

17 Рефрен (цитируется неточно) из стихотворения Беранже «Песнь труда» («Песни

Беранже. Переводы Василия Курочкина». СПб., 1858).

18 По мнению Е. Г. Бушканца, выраженному еще до установления авторства Николаева, эти слова служат подтверждением того, что Добролюбову принадлежало известное письмо «Русского человека» к Герцену, содержавшее призыв «К топору зовите Русь!» и опубликованное вместе с ответом Герцена в 64 л. «Колокола» от 1 марта 1860 г. («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 2, с. 180—181). Предположение Е. Г. Бушканца подкрепляется тем, что Николаев, лично общаясь с Чернышевским, мог от него получить эти сведения.

19 «Деревенские рассказы и очерки» А. И. Левитова печатались в разных журналах с начала 1860-х годов, затем они были выпущены отдельным изданием под чагла-

вием «Степные очерки» (т. I-II. СПб., 1865-1866; т. III. М., 1867).

²⁰ «Эпохой прокламаций» называл эти годы, совершенно независимо от Николаева, и Н. В. Шелгунов (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. І, с. 242).

21 Здесь еще одно подтверждение слов Н. В. Шелгунова о том, что прокламации

исходили не из единого центра, а писались людьми, часто ничего не знавшими об авторах других прокламаций (там же, с. 158—159, 242).

22 В результате ошибки памяти здесь ряд неточностей. Прокламация «Молодая Россия» принадлежала перу П. Г. Зайчневского и была выпущена весной 1862 М. Л. Михайлов был присужден к каторге еще в 1861 г. за прокламацию «К молодому поколению», написанную Н. В. Шелгуновым. Н. А. Добролюбов умер до выхода «Молодой России», в 1861 г. Студент петербургского университета Н. В. Васильев и отставной канцелярский служитель Н. Н. Волков были приговорены к каторжным работам — первый за составление и оба за распространение прокламации «К гражданам» (1862-1863 rr.).

²³ За подписью общества «Земля и воля» и с его печатью вышли прокламации «Свобода» № 1 (декабрь? 1862), «Льется польская кровь...» (февраль 1863), «Свобода» № 2 (июль 1863), а также печатался непосредственно в западных губерниях, но из-за арестов не увидел света «Земля и воля. Журная, издаваемый обществом «Земля и воля». От Русского народного комитета» (январь 1863). Кроме того, в связи с так называемым казанским заговором в марте и начале апреля были выпущены две прокламации, а несколько прокламаций от имени «Земли и воли» были написаны Н. П. Огаревым и изда-

ны в Лондоне.

²⁴ В 95 л. «Колокола» (от 1 апреля 1861 г.) сообщалось, что Вольная русская типография в Лондоне и издатели «Колокола» празднуют 10 апреля «начало освобождения крестьян». На празднество приглашались все русские. Однако в следующем же 96 л. (от 15 апреля 1861 г.) была опубликована статья Герпена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», в которой говорилось: «... мы хотели поднять наш стакан и предложить

неслыханный при такой обстановке тост за Александра II, освободителя крестьян! <...> Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти» (Герцен, т. XV, с. 64, 65). Со стороны молодого поколения не было непосредственного отклика на намерение предложить этот тост. Николаев, вероятно, имел в виду отзыв о Герцене в прокламации П. Зайчневского «Молодая Россия», по поводу которого Герцен писал в статье «Молодая и старая Россия»: «Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем ...» (там же, т. XVI, с. 204).

25 Этот факт, который был широко известен тогда в общественных кругах, описан в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой со ссылкой на собственный рассказ автора «записки» (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Рос-

поминания, т. II, с. 117-118).

²⁶ Выходец из крестьян П. А. Мартьянов, находясь в Лондоне, написал 3 (15) апреля 1862 г. письмо Александру II и послал его по почте. Оно было опубликовано в 132 л. «Колокола» (от 8 мая 1862 г.), а также в брошюре Мартьянова «Народ и государство» (конец 1862). В брошюре (как и в письме) содержалась резкая критика сословнобюрократических порядков в России и выдвигалась идея внесословной монархии во главе с земским царем. По возвращении в Россию Мартьянов был арестован, присужден к каторжным работам на 5 лет с последующим пожизненным поселением в Сибири.

27 Точное название брошюры «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?»

(Лондон, 1862).

28 Подразумевается Н. Г. Чернышевский.

29 Людовик Мерославский (1814—1878), генерал, участник восстаний в Польше 1830—1831 гг. и 1863 г., в феврале 1863 г. провозглашенный диктатором. Ян Кужина (Куржина; 1833—1865) — ближайший сотрудник Мерославского в эмиграции, был его адъютантом во время боевых действий в Царстве Польском. «Хлопомания литовская» оппибка памяти. К литовскому национально-освободительному движению Кужина причастен не был. К самому этому движению термин «хлопомания» не применялся. Он возник на Украине и означал сознательную украинизацию польских шляхтичей для слияния с простым народом. Охватывал два направления — демократическое (Т. Рыльский) и буржуазно-пационалистическое (В. Антонович).

³⁰ Слова из «Послания к римлянам апостола Павла» («Несть бо разнства иудееви

же и еллину: той бо бог всех богатай во всех призывающих его»).

31 Судебная реформа была проведена в 1866 г., местного самоуправления, т. е. зем-

ская — в 1864 г.

32 Оценка Базарова была дана в статье Д. И. Писарева «Базаров» («Русское слово», 1862, кн. 3), положившей начало резкой полемике между двумя демократическими журналами — «Современником» и «Русским словом». Эта оценка была им же повторена и развита в статьях «Реалисты», «Посмотрим!» и др.

33 Неточная цитата из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (гл. XXI).

34 Термин «кающийся дворянин», получивший широкое распространение, как и самая постановка вопроса о двух взаимно дополняющих друг пруга социальных типах, принадлежал Н. К. Михайловскому («Литературные и журнальные заметки».— O3, 1874, № 4); мысль эта была впоследствии развита им в очерках «Вперемежку», 1876 г. (см.: Н. К. Михайловский. Соч., т. II. СПб., 1896, с. 647—649; т. IV. СПб., 1897, с. 205—382).

35 Д.И.Писарев. Цветы невинного юмора («Русское слово», 1864, кн. 2).

36 Статья П. Л. Лаврова «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма» впервые опубликована в «Календаре Народной воли на 1883 г.», перепечатывалась нелегально, а в 1906 г. — легально отдельным изданием.

37 В последнем слове подсудимого Николаев, в отличие от остальных обвиняемых,

излагал свои политические взгляды (см. примеч. 40).

38 Выступления на суде по «Процессу 50-ти» 9 марта 1877 г. членов «Всероссийской социально-революционной организации» рабочего-революционера Петра Алексеевича Алексеева (1849—1891) и Софьи Илларионовны Бардиной (1853—1883); тогда же были опубликованы в лондонском издании П. Л. Лаврова «Вперед!», т. V (см. сб. документов «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1. М., 1964, с. 352—357, 363—

367).

39 Павел Павлович *Гагарин*, князь (1789—1872) — председатель Комитета минипо делу о покушении Каракозова. По новым судебным уставам председательское кресло в суде полагалось председателю Государственного совета, т. е. великому князю-Константину Николаевичу. Это сочли неудобным, т. к. Константин был братом царя, подвергшегося покушению, и к тому же его имя фигурировало в процессе в связи с «константиновской партией», якобы инспирировавшей выстрел Каракозова. Поэтому Гагарин был назначен вице-председателем Государственного совета и на этом основании председателем Верховного уголовного суда.

⁴⁰ Николаев изложил содержание своей речи довольно близко к тому, как она воспроизведена в стенографическом отчете, опустив лишь свои рассуждения о цареубийстве («Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Хупякова, Н. Ишутина и др.», т. II. М.— Л., 1930, с. 333—337). Защитник Н. А. Ишутина Д. В. Стасов так рассказывает о впечатлении, произведенном речью Николаева: «Не могу не привести при этом одного эпизода во время судебных прений. В числе подсудимых 1-й группы был Петр Федорович Николаев (дворянин 21—22 лет), кандидат Московского университета, готовившийся сдавать экзамен на магистра политической экономии. Защитником его по назначению был присяжный поверенный В.Э. Краузольд. В речи своей, разумеется, он старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснял разные высказывавшиеся им на допросах идеи молодостью, необдуманностью и т. д. <...> Николаев, очень пылкий, горячий, умный и развитой молодой человек, стал говорить, что он совершенно не согласен с защитником, стал развивать социалистические теории и между прочим говорил, что вопрос о цареубийстве — вопрос философско-политический, что теорию об этом развивали очень многие знаменитые ученые уже в Средние века, например, знаменитый Кампанелла и еще такие-то и т. д. Кн. Гагарин, который очень внимательно выслушивал всех защитников и был, по-видимому, очень доволен речью Краузольда, старался остановить несколько раз Николаева и говорил ему: «Молодой человек, остановитесь, что вы говорите: ваш защитник так прекрасно объяснил все ваши побуждения и ваш образ мыслей». Но тот не унимался, и Гагарин насилу остановил его, стараясь замять его речь» («Былое», 1906, № 4, с. 280). Изложение речи Николаева было дано также в статье «Белый террор», печатавшейся в 1867 г. в «Колоколе» и принадлежавшей Н. А. Вормсу. В то время, когда в революционных кругах еще не выработались определенные этические нормы поведения на следствии и суде, речь Николаева была осуждена его единомыпленниками. Это и сказалось в рассказе Вормса. Заметив, что «без живой, сердечной симпатии нельзя было глядеть на коренастую и бородатую фигуру и честное лицо этого смелого человека, который с резким, решительным и никаких возражений не допускающим видом проповедовал великие революционные идеи двум принцам, двум министрам и дремлю-щей развалине дряхлого инквизитора (...)», автор заключал, однако: «Поступать так, как поступал Николаев, значит собственными руками выдавать себя врагам и завязывать петлю на своей mee <...> Не доблестно, но преступно и не разумно, из-за удовольствия кинуть презрением в глаза своих врагов, - заковать свои руки и ноги, из рабочей силы превратиться в каторжника и обречь на бездействие все свои способности» («Колокол», л. 233—234 от 1 февраля 1867 г.). В письме к Н. П. Огареву от 12 января 1867 г. Вормс сообщал, что так же расценивали речь Николаева и его сопроцессники (ЛН, т. 62, с. 51), которые, впрочем, и сами оказались обреченными на бездействие.

11 Под псевдонимом В. В. в начале 1880-х годов печатался экономист-народник

41 Под псевдонимом В. В. в начале 1880-х годов печатался экономист-народник Василий Павлович Воронцов (1847—1918). В 1883 г. вышла его книга «Судьбы капитализма в России», в которую вошли статьи, опубликованные в ОЗ и других жур-

налах

⁴² В литературе это общество носит название Ишутинского кружка или организации Ишутина — Худякова. На предварительном и судебном следствии слову «организация» был придан смысл собственного наименования тайного общества.

43 Народническая партия «Земля и воля» 70-х годов.

44 Из опасения арестов после покушения Каракозова участники тайного общества сожгли проекты устава (программы) и другие документы. Однако некоторые материалы, характеризующие их идеи и деятельность, но не столь криминальные с юридической точки зрения, все же сохранились в судебно-следственных делах.

45 О покушении, готовившемся Каракозовым, знали только его ближайшие друзья, и не все они одобряли эту акцию, считая ее преждевременной.